

Юлия Клименко

Имя женщины бессмертно

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юлия Вадимовна Клименко

Имя женщины бессмертно

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70550590

SelfPub; 2024

Аннотация

Некогда красивая, чарующая, обеспеченная танцовщица кабаре Лилит сидит в грязном дешёвом мотеле в предсмертных муках. Что привело её к такому положению и каков итог её истории?

Содержание

Имя женщины бессмертно	6
Глава первая. В 26 абзацах	6
Глава вторая. Цирк, недуг, нож, шедевр, казино	15
Глава третья. Дом	22
Глава четвертая. Мужской мир	29
Глава пятая. Теодор	37
Глава шестая. Предвкушая вечер	40
Глава седьмая. Маскарад	45
Глава восьмая. Ла Ферте	52
Глава девятая. Влюбленные, дьявол, луна, башня, смерть	57
Глава десятая. Женщина чужая	62
Глава одиннадцатая. Искусство	67
Глава двеннадцатая. Атлантида Китти	73
Глава тринадцатая. Цветок и нож	76
Глава четырнадцатая. Ни суда, ни милости	82
Глава пятнадцатая. Лилит	87
Глава шестнадцатая. Non Je Ne Regrette Rien	96
Глава семнадцатая. Ад	103
Глава восемнадцатая. Диана	108
Глава девятнадцатая. Семья	113
Стихи	117

Мой дом	117
Другая	118
Приворотное зелье	120
Мухибби	121
Сумасшествие	123
Он	124
Аристократка	125
Принадлежу	126
Непорочная	128
Разрешите?	129
Всё, кроме Бога в нас	130
Theogn	132
Быть женщиной	134
Париж	136
Ушедшим	137
Свадебная клятва	138
На сцене	140
Прошлое	142
Север	143
Из жизни	144
Одержимость	146
Сама своя	147
Огонь души	149
Мое сердце	150
О нас	151
Будущему	152

Юлия Клименко

Имя женщины бессмертно

Эту книгу я посвящаю моей бессмертной музе Л.

П.

Имя женщины бессмертно

Глава первая. В 26 абзацах

*И призови Меня в день скорби; Я избавлю тебя,
и ты прославишь Меня.
(Псалтирь 49:15)*

Лилит сидела на пыльном узорчатом ковре. В одной руке она держала бокал игристого "Вдова Клико", а пальчиками другой перебирала бахрому на краю ковра, ставшую серой от грязи. Подле нее лежал укол с веществом. Это был морфин.

Разум Лилит окутала беспросветная тишина. Она больше ни о чем не думала, ни о чем не мечтала, ни на что не надеялась. Она проводила последние минуты тишины наедине со своей давней подругой – Госпожой Смертью, которая вот уже год не отпускала мысли Лилит ни на секунду.

Каждое утро Лилит просыпалась, окутанная трепетными

объятиями Госпожи С. Ее дурманящий и трепетный шепот требовал одиночества, темноты и антуража, так что Лилит чинно не спешила распахивать в ночи бархатные шторы и впускать во мрак своего будуара ни одну мужскую плоть. Однако нельзя не сказать, иногда Лилит, полная ярости, решительно отказывалась подчиняться Госпоже: она подсакивала с кровати, срывала с петель тяжелые бордовые шторы и бежала к зеркалу. Резко останавливаясь, она со злостью смотрела в свои полные слез красивые янтарные глаза и шептала: «Ненавижу тебя».

Выдохнув, она подходила к своему дамскому столику, тянула позолоченную ручку шкафчика и доставала оттуда те свечи, которые сегодня приглянулись ее душе. Розовые она использовала, когда хотела напомнить себе, что она – Женщина; медовые, когда думала пройтись по рынку и наладить наконец хозяйство в своей квартире; свечи с ароматом черного мускуса, когда была необходимость настроиться на работу с гостем.

Нет, она не всегда была погружена в сладкую муку экзистенциального мира. Были и солнечные дни, когда неизвестно отчего на нее находила волна благодарности за то, что ее жизнь еще не кончилась.

Были и моменты, когда она, после очередной неудачной попытки самоубийства, ругала себя и плакала от счастья, что сумела выжить. После таких событий порыв к смерти всегда казался ей ошибкой. Она думала о том, сколько еще чудес-

ных событий ждет ее впереди, сколько приятных сюрпризов, прекрасных чувств и незабываемых вкусов она сможет ощутить.

Порывы ее настроения не зависели от событий. В шумной веселой компании дам и джентльменов она вдруг могла почувствовать себя одинокой, а прогуливаясь наедине с собой по вечерней набережной понять, что она наполнена цветущей энергией.

Но сейчас все было иначе. День назад она абсолютно точно поняла, что просто не в состоянии больше идти по жизни с этой могильной плитой на душе. Она уже мертва. А значит, осталось убить только оболочку из плоти. Дух же свой она отдала еще год назад тому мсье.

Почему она выбрала морфий? Почему не холодный ствол или упругую веревку, почему в конце концов не зеркальное лезвие на венах или не романтизированное хождение на дно ласкающей кожу реки? Причины были три.

Во-первых, укол – все же достаточно щадящий метод, а Лилит не из храбрых. Она хотела вдохнуть последние минуты этой гнилой жизни, а не моментально броситься в объятия Аида.

Во-вторых, наркотик – это символично для нее, ведь однажды она уже была там – на самом дне с ума сводящего наслаждения. Она обещала себе больше не открывать эту порочную дверь, но сейчас это было подтверждением ее ничтожности, ее недостойности этой счастливой жизни.

А в-третьих, могилой своей она выбрала крохотный мотель Монпелье, в котором ровно год назад переживала свое самое сильное опустошение – потерю ребенка от того самого Эдварда Стэнсгейта, о которой не знал никто.

В тот вечер она гуляла по грязным улицам Парижа, собственное поместье вызывало у нее отвращение, а прийти без приглашения в семейный очаг мсье было бы нонсенсом и означало окончание ее карьеры куртизанки. Так, с черной дырой в душе и белым сухим в крови, она и добрела до этого мотеля. И стены его стали для нее убежищем, кровом, разделив с ней боль ее утраты. Подушка благотворно принимала все ее слезы, небрежно скомканное одеяло укутывало ее в свои объятия, а стены отказались стать рикошетом горя; напротив, они мягко впитывали ее отчаяние.

В 01:03 она мягко ввела себе содержимое укола в вену, медленно запив боль красной кровью Иисуса. Она закрыла глаза и стала ждать.

Один год назад стояла необычайно теплая весна. Воздух искрился радостью, а ветер разносил сладкий аромат ябло-ни и вишни. Лилит обедала в ресторане "Ля тур д'Аржан". Пикантный вкус фирменной утки из этого местечка отлично сочетался со сладостным видом на Нотр-Дам, а дополняли атмосферу лимеренции грубый тембр его голоса и терпкий аромат древесных нот его парфюма. Сквозь открытое окно просачивался легкий ветерок, что развивал каштановые ло-коны каре, в то время как лучи солнца нежно скользили по

бархатной коже. Лилит чувствовала себя абсолютно гармоничной: ей было легко общаться, в кое-то веки она улыбалась мужчине искренне и была тотально уверена в своей привлекательности, которая сочилась изнутри ее духа.

Через неделю, одним из вечеров, они быстрым шагом шли под руку, а Лилит звонко смеялась. Рядом с ним даже нарастающий с каждой секундой ливень не мог испортить ей настроение: он накрыл их обоих своим пиджаком, а аромат древесных нот от влажности стал еще более насыщенным и притягательным.

Ворвавшись в номер-люкс отеля "Де Крийон", они наконец-то могли выплеснуть свое желание друг в друга. Он уронил Лилит на кровать – в их первой ночи не было нежности, только животный инстинкт и психологическая страсть к владению человеком. Только спустя месяц он будет долгих десять секунд снимать одну бретельку и вдыхать аромат ее локонов, и даже разрешит ей овладеть им и занять главенствующую роль. Ну а пока их поцелуи сочны, резки и опасны укусами до крови. Уже через две минуты ее руки были «связаны» его ладонью и прижаты к изголовью кровати, а номер наполнился громкими стонами. Корсет, игриво подчеркивающий ее декольте своим ажурным кантом, решительно остался на прежнем месте: у них не было даже лишней минуты, чтобы развязывать его шелковые нити. Лунный свет мягко ложился на их возбужденные загорелые тела, играючи переливаясь от быстроты движений их силуэтов.

Однажды утром в дверь квартиры Лилит громко постучали. Это была доставка одной тысячи персиковых роз, символизирующих трепетную нежность к дорогой Лилит, и одной красной розы, ставшей знаком их страсти, с которой все начиналось. Безгранично счастлива и неизмеримо влюблена, она была одержима Стэнсгейтом. Все ее мысли отныне были заняты мечтами о его теплых ладонях и фисташковых глазах. А жизнь ее теперь состояла из двух сменяющих себя событий: обед в ресторане Парижа рядом с Люксембургским парком и ночь любви в поместье "Ла Ферте".

Надо сказать, что Эдвард действительно умел красиво ухаживать. Неделя за неделей в доме Лилит приживались различные вещицы, а еще много-много денег. Пачками он носил их Лилит со словами: «Купишь все, что пожелаешь, душа моя».

Вопреки предрассудкам, Лилит не была зависима от траты тех денег, что он давал ей. Более того, каждая дорогая покупка давалась ей тяжело. Только если эта вещь не касалась напрямую мсье. Например, она была крайне довольна приобретенным за баснословные деньги платьем, которое родилось на этот свет для единственной роли: быть снятым любимым мужчиной Лилит.

И вот теперь она сидит в эконом-номере на грязном ковре, вкалывая морфин. Слезы из глаз капают на непрезентабельный халат Лилит, она вытирает их рукой, на пальчиках которой красуется кольцо, подаренное им. Ее начинает кло-

нить в сон, сердце замедляет ритм, а во рту появляется до боли ужасная сухость. Жалеет ли она о прошлом? Нет. Но не потому, что повторила бы это вновь, а потому, что ее мысли уже начал окутывать галлюциногенный дурман. Конечно, она всегда мечтала о большой семье – двух сыновьях с темными кудряшками и янтарными глазами, как у нее, и златовласой доченьке с зелеными глазами, как у него. Она была готова всю жизнь быть под его покровительством и делить его с другой женщиной, ведь она знала бы, что его постель, как и сердце, принадлежит только ей.

«Лилит, прекрати так вести себя. Мне нужно уехать. Работа не поддается слабости. Нет, я не знаю, когда вернусь, да и какая тебе к черту разница, я что, дал тебе мало денег за секс сегодня?». Лилит была настолько ошеломлена этими словами, что следы ее истерики испарились в воздухе, и только соленые слезы остались высыхать на ее щеках. И это после того, как она объявила ему, что беременна.

Он уехал. Обещал не вернуться. И оборвал с ней всякие связи. Он лишь передал ей через своего знакомого стеклянную баночку новомодного лекарства – амфетамина, который в числе своих побочных эффектов имел выкидыш. Ни записки, ни переданных слов. Будто их двоих и не было. Будто не было этих мгновений счастья. Будто не было между ними одного дыхания и сладкого послевкусия.

А дальше: бесконечные и бесполезные метания между докторами и их снотворными по рецептам, и гадалками по

руке, между попытками самоубийства и лицемерными улыбками, между гниющей внутри пустотой и исповедью в церкви, в попытках заполнить эту дыру. Вещи, встречи, новые клиенты, деньги, оперы и театральные постановки – ничего не могло помочь ей стать нужной. Нужной, в первую очередь, самой себе. Она вновь и вновь проживала те благие закаты и рассветы и все больше чувствовала свою бесполезность в этой толпе, озабоченной только своим эго. Она была чужаком среди человеческого рода. И все больше она ощущала, как ее воспаленный разум перестал воспринимать свою телесную оболочку, а место ее грешной душе, как она думала, было в аду.

Она закончила свою предсмертную записку последним стихом. К тому времени она уже билась в горячке. Ей было тяжело дышать, а непрекращающееся слюноотделение бесконтрольно капало ей в декольте, стекало по халату и каплями падало на пол. И вот на секунду, на одну, но столь значительную миг, ее глаза расширились, она вдохнула полной грудью и в ее голове пронеслось: «Зачем я так?». И не в силах больше сопротивляться склизкому и горькому поцелую Госпожи Смерти, дух ее покинул тело. Больше ее страдания, которым она, бывало, придавала долю романтизма, не имели смысла. Бывшая королева постели того мсье лежала на грязном ковре, опрокинув голову на пыльную софу, а изо рта ее обильно вытекала белая пена. Грязная, ненужная самой себе
Лилит.

А мир тем временем продолжал жить своей обыденной жизнью.

Глава вторая. Цирк, недуг, нож, шедевр, казино

*У тебя, Господи, милость, ибо Ты воздаешь
каждому по делам его.
(Псалтирь 61:12)*

Нас называют шлюхами, добрыми женщинами, ночными бродягами, обманщицами и наркоманками, проститутками, блудницами, четвертой благодатью, ожившими Венерами. Мы же предпочитаем именовать себя куртизанками.

Сразу оговорим: существуют две категории женщин, получающих деньги просто за то, что они женщины. Первая, к которой отношусь я – благоуханные коварные развратницы, ради которых мужчины от офисного клерка до короля пойдут на все. Вторая – это зловонные бродяжные проститутки.

Вторая категория словно тень всегда неотрывно следует за тобой, ехидно расправляясь во весь рост, особенно когда мощный столб луча славы светит прямо на напудренное личико. Стоит сказать лишнего, на миллиметр опустить уголок улыбки или сторбиться, как Тень тут же, словно трусливый маньяк, нападет сзади. И тогда тебе никто не поможет. Если куртизанка разозлила или не удовлетворила своего мистера Благодетеля или, что хуже, решила заявить свои права, перейдя дорогу какой-нибудь миссис Благодетель, которая

мирно ожидает своего мужа дома, пока тот накуралесится, то здесь уж вини только себя. Как часто бы мужчина ни одаривал подарками, какие бы жаркие поцелуи он тебе ни дарил, каких бы обещаний он ни давал, никто не сможет посягнуть на его добровольное заключение в кандалы той, которая его окольцевала. Дальше все по протоколу: огромный долг перед агентством, которое предоставляло тебе кров и клиентов, жилье в сомнительном районе, на который хватило денег, обслуживание мужчин, которые забыли, что после мочеиспускания необходимо вытираться салфеткой. Как следствие, – беспробудное пьянство. Уличная проституция – хуже смерти. Это болезни и невыносимые страдания – вечный страх каждой из нас.

Другое дело – любовницы при Маме, директоре агентства, что предоставляет тебе образование, личный будуар, возможность показать свой талант в бурлеск-шоу и, конечно же, деньги, которые при хорошем раскладе можно буквально грести лопатой. Кстати, одна наша девочка, толстушка Рене, пользующаяся огромной популярностью, сделала такой номер на основе своей жизни! Там она достает лопату, украшенную ее ручками, красными стразами, и копает деньги, отбрасывая их за спину. Это произвело фурор и смеховой экстаз среди публики. Я и сама помню тот день. Бедняжка не знала, как найти время, чтобы пересчитать, разглядить и обернуть резинками все эти бумажки. Ох, как мы тогда хотели, а как была счастлива наша Мама – мадам Тьерри.

Может кого-то заинтересует, как же стать куртизанкой? Так вот, есть несколько способов. Вообще, ни для кого не секрет, что в Париже есть множество агентств. Какие-то работают подпольно, но наше отличается: мы позиционируем себя как «Шоу Сирен», где мы танцуем и поем для уважаемых гостей, а еще кормим их, спаиваем, а потом укладываем спать. Прямо-таки садик для взрослых. Только сон-час происходит обычно с предрассветными птицами, а строгая воспитательница засыпает рядом с бумажными купюрами в руках после отменной порки непослушного мальчика.

Итак, кто-то пришел сюда не от легкой жизни. Большинству из нас был недоступен хотя бы просто приличный ужин. Например, уже известная вам пышка Рене Леже как раз из такой истории. Она сидела почти в крошечной тьме, ведь единственным источником света был огарок. Ковырялась в блюде, которое она сумела собрать из того, что принес домой муж, и пыталась осмыслить свои душевные метания. Остаться ли ей верной женой и умереть с ним в один день? Кстати, это должно было случиться примерно через год от голода или через несколько месяцев от очередной гематомы. Либо же убить общественного моралиста в себе и отдаться во власть внимания, страз, оргазмов и смеха. Она знала, что сейчас она доест и примерно через полчаса месье Леже будет уже в нужной кондиции для тренировки ударов уличных боев на своей жене. Так что, не став дожидаться очередной «неприятной ситуации», как она это называла, Рене подня-

лась, подошла к дивану, на котором отлеживался муж, взяла его бокал и насыпала туда «кое-что, буквально для вкуса». Каково же было удивление бедняжки Рене, что некоторые мужчины совершенно не переносят мышьяк! К большому сожалению месье Леже, он не смог отвлечься от просмотра «Цирка», где играл уж больно смешной и талантливый Чаплин, так что не заметил подставы от мадам Леже. Говорят, он умер под аплодисменты в титрах. А Рене в тот момент уже была на полпути к свободной жизни, неся в одной руке свои пожитки.

Аристократка по природе, Эва Штелле, вовсе не была из нуждающихся. Она из состоятельной семьи, читает стихи Мухибби в оригинале и любит рисовать пейзажи на берегу Сены. А еще обожает своего мужа Ленни, и, о, какое счастье, они единомышленники! Ведь он так же стремится подняться по карьерной и социальной лестнице, а она – обладательница какой-то новомодной болезни – нимфомании, кажется. Уж не знаю, где ее можно подхватить, но лечится она только многочисленными оргазмами. Получается все честно: пока Ленни занят карьерой и благодарит за помощь жену, Эва рада помогать мужу и заодно своему телу избавиться от недуга. Правда, пока лекарства ей не особо помогают, она даже предположила, что, возможно, ей придется лечиться всю свою жизнь. Зато как мило наблюдать, как Ленни ждет на первом этаже Эву с работы! Бывало, что ему даже благодарили и пожимали руку за такое достойное воспитание жены,

говоря, что она «не на шутку умна в исполнении акта трения»!

Что касается Мадлен Нойталь, то она была из деревни. Ее мать умерла, когда ей было пять лет. Таким образом, всю свою сознательную жизнь она прожила со своим отцом. Мадлен помогала по хозяйству, отличалась озорным характером и склонностью к воровству на рынках. Как известно, у всех людей есть привычки, так у ее отца была одна особенная: у него вошло в привычку периодически растлевать свою дочь с 11 до 18 ее лет. Кто знает, возможно это и не важно, если обе стороны не против, однако милая Мадлен была, мягко говоря, крайне против, более того, она была влюблена в дочь местного свиновода. Та девочка, видимо, тоже была не в восторге от своей семьи, так что они решили убежать вместе в город. К сожалению, отец Мадлен узнал об их планах. Она была на кухне, готовила для него обед, когда он вошел и начал кричать: «Куда ты собралась с этой потаскухой? Я не пущу тебя, ты знаешь, что ты только моя!». Мадлен слушала его еще 15 секунд, а затем он случайно нарвался на ее нож. Случайно нарвался десять раз. Ночью девушек видели, бегущих, взявшись за руки, по пути к железнодорожной станции. Люди говорили, что Мадлен развратила бесстыдная дочь свиновода и жалели несчастного месье Нойталь. К слову, девушки довольно быстро расстались, ведь Париж со своей ослепительной жизнью, полной неоновых огней, соблазнил Мадлен намного сильнее, чем стремление к семейному

очагу ее первой любви.

Эмильена Франко – моя любимица. Мы с ней очень дружны, однако почти уверена, что я не знаю целиком ее историю. «Я любила его так, что у меня замирало сердце. Он был красив, словно шедевр. А как всякий шедевр, он нуждался в обожателях. Его обожали Луиза, Катрин, Роза-Мари, Хелен... Но расстались мы по другой причине: из-за разногласий в искусстве. Он очень любил жизнь, а я предпочитала считать шедевром смерть». На этом моменте мы с девчонками переглянулись, ведь история, словно и ясна, но все же не названа своим именем. «Ты убила его, Эмильена?», – «О, нет. Конечно, нет. Я вообще тот вечер слабо помню, очнулась, когда мыла руки в раковине... Станный был вечер, однако...».

Кажется, настало время рассказать и о себе. Моя характеристика довольно шаблонна и тем скучна: я амбициозна, артистична, кокетлива и мечтаю о бриллиантовом колье. Конечно, я пошла на работу, ведь я не собираюсь ни у кого сидеть на шее! Я работала в парижском казино крупье, пока одним вечером меня не отвела за угол начальница и не сделала мне предложение, от которого я не смогла отказаться. Буквально не могла, ведь мне нужно было платить за аренду квартиры. Да и к тому же, она ясно дала понять, что я лишусь работы, если сейчас посмею отказать. Что мне было делать? Я решила, что не будет ничего плохого в ужине. Личность мужчины была засекречена, но не его финансы: ведь трапез-

ничали мы в его президентском номере. Провели время, а на утро он предложил мне пообщаться с мадам Тьерри, директором «Шоу Сирен», которая предоставит мне десятки таких, как он. Так, я получила рекомендацию от гостя в мой нынешний дом и месячную зарплату за одну ночь.

Глава третья. Дом

*Друг любит во всякое время и, как брат, явится
во время несчастья.*

(Притчи Соломона 17:17)

Париж – город, который можно пройти пешком за два часа. Город, где по закону женщинам запрещено носить брюки. Город, в котором каждый второй приезжий испытывает синдром разочарования. Город, который стал для меня домом.

Здесь ночь моя кипела и обжигала. Джаз сотрясал стены. Сцена пульсировала от жарких танцев. В полутемном зале беснующаяся толпа извивалась в новомодных, а порой и просто смешных и забавных движениях. Все хлопали в такт ритму, подхватывали припевы знакомых мелодий, хохотали и кричали, словно обезумевшие. Снаружи огни такси, предвкушающие лица, прохлада вечерних ветров, а внутри фейерверк игристого, смешение языков, запах пота, перебиваемый дорогими духами. Мужчины в костюме-двойке, мягкой шляпе и обязательно в необычном галстуке, а женщины в блесках, шляпках с перьями и ярких оттенках помады. И, конечно, много-много кокаина. Кажется, есть даже один известный мисье, что написал целую «Оду кокаину». Но Мадлен предпочитала курить опиум и гашиш, так что кто-то проносил к нам и такую дрянь.

Утро же показывало мне реальное отражение того выбо-

ра, который я сделала накануне вечером. Слава тому человеку, кто придумал плотные шторы: одно движение – и вот уже сквозь эти потемки не видно в зеркале мое согрешившее лицо.

Выпиваю поллитра воды за раз. Служанка уже принесла эспрессо. Я, как обычно, не слышала ее прихода. На барокковской резной софе уже красовались три наряда на выбор и украшение к каждому из них. Сегодня мы с девочками идем в церковь, а значит, ничего вычурного: черная шляпка, надетая слегка набок, черный жаккардовый костюм с юбкой, черные перчатки из натуральной кожи, накидка из натурального меха и клатч на заклепках по стилю. Волосы я накрутила на бигуди и добавила им объема при помощи незаменимой воды с сахаром.

Я еще раз оглядела свою спальню перед тем, как захлопнуть дверь. Все в моей обители было верно.

Туалетный столик – мой трон королевы с огромным позолоченным зеркалом, на котором красовались различные гребешки, бигуди, краска для ресниц, румяна.

Напротив стояла непомерных размеров кровать, услужливо накрытая шелковым покрывалом, в которой особенно чувствовалось одиночество моего сердца, несмотря на ежедневное нахождение там мужчин, что готовы были любить меня целую ночь.

Над ней пустил свои завитки плющ, прибитый к дорогому турецкому ковру, расписанному странными узорами, в кото-

рых при каждом взгляде можно было найти новый образ.

Эту постыдную обитель прикрывал красный балдахин с бахромой.

На полу также красовались пышные ковры. Стены были обиты бархатом и обязательно украшены многочисленными сладострастными картинами, вставленными в рамы, покрашенные под золото. Картинам я уделяла особое внимание: все они были прекрасны, но уникальны для меня те, что созданы моей рукой, умеющей держать кисть. Я начала рисовать, когда стала куртизанкой. Говорят, у меня действительно есть талант. Но, тем не менее, даже если это и не так, согласитесь, намного легче представлять обществу и продавать свое творчество, когда у тебя есть авторитет. Кроме меня, кто-то изначально великолепно умел писать стихи, вышивать картины, лепить вазы из глины, а затем, закрепившись в светском мире, начал принимать деньги и дорогие подарки за свой природный талант.

Вся мебель, которая была в моих покоях, изготовлена в стиле барокко, имела красивейшую обивку и обязательно была украшена многочисленными подушками.

Ножки мои ходили по мощеным полам.

Мой рай Венеры благоухал ароматами дерева, мускуса и роз. В каждом углу, на каждом столике, во всех шкафах я размещала свечи. Их маслом я смазывала свою кожу, благодаря чему аромат моего тела был неповторим.

«И вот уже никто не вспомнит, что Ваше Превосходитель-

ство приехало из деревеньки недалеко от Вены. Теперь перед вами баронесса, чьи плечи покрывает черный бархат с отделкой золотом и слоями бархата, пронизанными золотом, которые сочетаются с бархатом! Потрясающе!».

«Боже правый, Мадлен, ты ужасно напугала меня своей громогласностью!».

Мадлен задорно рассмеялась: «Пойдем уже скорее. Если мы направимся к выходу, должно быть и другие пошевелятся!».

По дороге к собору не произошло ничего знаменательно-го, возможно, за исключением того, что одна дама плюнула в ноги Рене со словами: «Это из-за тебя мой муж со мной больше не возлежит!». На мой вопрос, узнает ли Рене эту брюзжащую квакшу, Рене ответила, что понятия не имеет ни кто она такая, ни кто ее муж, однако крикнула вслед: «Твой отец бегал ко мне, твой муж с ума сходит, и твой сын – завсегда мой мышкой!», и громко рассмеялась заразительным смехом. Мы с девчонками, не удержавшись, хихикнули.

Париж не настолько необъятный город, чтобы мы были неузнаваемы. Всем скопом «Шоу Сирен» каждое воскресенье под руководством Мама ходило в одну и ту же церковь. И больше половины прихожан мы знали не только в лицо, но и ниже пояса. Вот уже и Эмильена перемигивалась с каким-то мужчиной, но получив грозный взгляд от его спутницы, надменно спросила «Что?», однако покорно все же отвернулась от их пары.

Я же очень старалась подпевать епископу, однако с каждой строчкой все больше и больше думала о том, какие, должно быть, мягкие у него губы. Он пришел работать в этот собор всего две недели назад, и пока мы ограничивались переглядками и улыбками. В планах же у меня было переманить его на «темную сторону».

Наконец, мы все присели обратно на скамью, и началась воскресная проповедь. «Сегодня я хочу поговорить о поведении верующей девушки и достойной жены. Ее характеризуют даже движения: они должны быть плавными и при этом не слишком медленными. Находясь в любом обществе, она должна преисполняться скромностью. Глаза ей следует держать стыдливо опущенными, а, если поднять их потребуют обстоятельства, то глядеть ни в коем случае не в упор. Смеяться она должна аккуратно, таким образом, чтобы тело ее не слишком сотрясалось. Говорить она должна тихо, но при этом четко, не мямля, ведь речь покажет ее ум. В общем и целом, во всем девушка должна следовать греческой поговорке «*Lathe Biosas*», что означает «Живи незаметно».

Рене неожиданно подскочила со скамьи и громко сказала: «Да, Отец мой, слушаюсь во всем и повинуюсь», и села обратно. По нашему ряду тут же раздались сдавленные смешки. После окончания этой речи мы с девочками стояли около выхода.

«Боже, Лилит, я надеюсь, он это не всерьез говорил? Мы же все видим, как он смотрит на тебя», – с удивленной улыб-

кой сказала Эва.

«Не знаю. Я думала, между нами что-то есть, а теперь я даже видеть его не хочу. Ах, господин духовник, как вы так незаметно подкрались!».

«Как ваше настроение после моей лекции? Кажется, вы чем-то огорчены? Кстати, мы ведь так и не знакомы с вами, я Теодор Бергк».

«Очень приятно, меня зовут Лилит. Вовсе не огорчена, я просто думала, что вы другого толка. Я уважаю вашу профессию, но устраивать публичное порицание свободных, умных, красивых и знающих себе цену женщин... Ну, Теодор, скажем так, не огорчена, но разочарована».

Рене присвистнула и дала знак остальным «сиренам» отойти от нас в сторону.

«Лилит, я поэтому и подошел к вам. Хочу извиниться, что заставил вас разочароваться в моем образе, однако я именно такой, каким вам представился изначально. Ведь темы лекций мне задают и, более того, вносят в календарь. Вынужден снять с себя ответственность за ваше разочарование во мне!».

«Так это же замечательно! Теодор, я лично приглашаю вас посетить сегодня вечером наше шоу! Вы будете в восторге! Это просто танцы, ведь танец не порицается католической церковью?» – с надеждой в голосе спросила я.

«Лилит», – с придыханием начал Теодор. Мы так часто произносили имена друг друга, потому что просто хотели

этого. Словно с каждым повторением между нами все больше крепчала дружеская связь. Или не совсем дружеская, беря в расчет мои виды на него и его очевидную симпатию ко мне.

«В самом по себе танце точно нет ничего греховного, только если он не изнуряет ваше тело и дух, а также не имеет самоцелью грех».

«Что вы, какой грех, Теодор! Что ж грешного в том, что я хочу показать вам возможности человеческого тела? Всю его пластику, ритмику, нежность, дерзость, всю его страсть, а потом сомкнуть вас в ласковые объятия, дабы вы познали человеческую дружбу!».

«Лилит, пойдем отсюда. У тебя еще много дел», – наконец, в это разряженное током пространство вмешалась мадам Тьерри. Она потянула меня за руку, но я продолжала улыбаться и смотреть на Теодора.

«Вы придете?» – я горела, словно лампочка.

«Я подумую, Лилит», – Теодор подарил мне ласковую улыбку.

Глава четвертая. Мужской мир

*Пред Господом играть и плясать буду.
(Вторая книга Царств 6:21)*

«Девочки, пока жив хоть один мужчина на планете, наш бизнес будет процветать», – томно посмотрела на нас Мама, она же мадам Тьерри, качая в руке бокал красного вина.

«Через минуту будет машина. Лилит, Эмильена, Мадлен, хватит, вы и так обворожительны!» Она элегантно встала с кресла, перекинув одну ногу через другую, и направилась ко входной двери.

«Так, опаздываем ровно на десять минут. Пока доедем, будет уже половина шестого. Неплохо! Полчаса – вполне приемлемая задержка, больше и не надо».

Ее каблук застучали по ступенькам. Лицо обдало прохладой поздней осени.

Мама учила меня заново ходить, говорить, есть. Все эти, казалось бы, обыденные вещи куртизанка должна уметь делать иначе. Она родила меня второй раз. Благо, роды прошли быстро, я же способная девочка. С Мамой мы уже давно не подписываем повторный контракт, слишком высок уровень доверия между нами. Ежемесячно мы считаем сумму согласно оговоренной процентной ставке. Она дает мне кров и клиентов. Я, в свою очередь, даю ей деньги на содержание

этого крова на таком уровне, который будет привлекать мужчин с толстыми кошельками. Взаимовыгодный обмен. И, конечно, связь Творца со своим ребенком. Я буду благодарна ей, пока дышу. Ведь именно она вырвала меня из гниющего, засасывающего болота бедности, на которое меня обрекла родная мать. О своих родственниках мне более ничего не известно. Отныне моя семья здесь – в Париже, в особняке бурлеска «Шоу Сирен».

Сегодня обыденный вечер, которых прошло уже десятки. Мужчины заказывают нас для сопровождения и светской беседы. Мы смотрим дорогие постановки в театрах, ужинаем в модных ресторанах, катаемся на фешенебельных автомобилях, а в конце вечера получаем сладкие хрустящие купюры.

«Что-то прислуга сегодня слишком туго постаралась над моим корсетом. Дышать не могу», – поморщилась Эмильена, расправляя плечи.

«Какой вопрос, детка, только дай мне знать, что ты свободна сегодня, и я тут же сниму его! Не хочешь ждать до отеля, могу предложить уборную, мою машину или предадимся дикой страсти в парке?» – мы дружно смеялись над всеми попытками господ шутить. Их молодость давно прошла, но это никак не попустило, вот почему они заказывают юных девушек. Каждый мужчина готов платить за женское общество, при этом едва ли найдется и сотая часть населения женщин, кто имеет желание отдавать деньги за мужскую галантность. Что же зародилось сначала? Куртизанки или спрос на

них? Мужчины создали нас, желая наслаждаться нежными созданиями, или мы были чересчур ласковыми с этими грубиянами, потому и решили выставять им счет, превращая любовь в услугу?

«А мой корсет и снимать не надо!» – подмигнула Мадлен, гордо демонстрируя всем свое фирменное обрезающее декольте, что пикантно приоткрывало пару миллиметров ее сосков. Отчего всем заинтересованным лицам становились понятными и их цвет, и форма, пробуждая еще большее желание. За столом прозвучал всеобщий довольный смех.

«Да, Мадлен, возьмем самого опытного ухажера на свете, и тот превратится рядом с тобой в оленя! Утратит свой рассудок и останется животным, лишившимся в миг славы, богатства и достоинства». Мадлен самодовольно вздернула подбородок и улыбнулась.

«Так выпьем же за наших птичек!» – изящная, но венозная рука мадам Тьерри поднялась вверх с бокалом шампанского.

«На брудершафт?» – гнусаво смеясь, проговорил один из наших спутников Эмильене. Та закивала головой и переплела их руки.

«Можете себе представить: сегодня на воскресной мессе мы сидели и слушали проповедь о том, какой должна быть женщина! Ну, начнем с того, что она вообще никому ничего не должна, так еще и таких глупостей, как движение, взгляд и смех!» – возмутилась Эмильена, залпом допив игристое.

«Какой же вздор! Уверенным в себе современным женщинам ничего такого не подобает! Как всем известно, привлечение к себе внимания конвертируется в крупные суммы. А деньги – это незаменимое условие достойного человеческого существования. Возьмем, к примеру, писателя. Да разве заработает он хоть копейку, пока будет писать рассказы, скажем, о природе? Нет! Да о природе писано-переписано уже! Ты создай что-то провокационное, нечто новое, о чем все заговорят! Не суть, хорошее или плохое будут плести за спиной, факт один – ты привлек внимание. А значит, шансы на раскрутку своего дела увеличились с нуля до ста! Я верно говорю? Подтверди, Лилит!».

Мою мысль перебил один из мужчин за столом:

«Скажу вам одно: бесконечно привлекать внимание не выйдет. Когда-то нужно будет остепениться и умерить свое желание очаровывать. Если у тебя есть мозги, то тебе не нужен ни талант, ни провокация! Ты, словно серый кардинал, просто делаешь то, что должен. Из тени управляешь теми, кто на виду, и получаешь за это суммы с нулями! Эмильена, куртизанки, ей-Богу, как дети! Живут какой-то странной, фееричной жизнью, доверчивые и наивные, а еще капризные. Деньги зарабатываются не так, дорогая».

Мадам Тьерри недовольна глядела на сильно опьяневшего мужчинку.

«Считай меня, какой хочешь, дорогой, но завтра утром я буду лежать в раскиданных тобой денежках в моей кровати,

которые ты мне заплатил просто за то, чтобы потрогать меня. И кто здесь из нас наивный?».

«Ты его сделала, Эмильена!» – тучный мужчина зашелся вновь своим гнусавым смехом, от чего за столом снова появились улыбки.

Мама же предложила всем обратиться ко второму тосту: «Куртизанки – самые образованные женщины мира. За женскую хитрость!».

* * *

Делая последние штрихи на своем лице для шоу, которое должно было начаться вот уже через десять минут, я думала о Теодоре. Придет ли, поступившись со своей должностью? Понравится ли ему мой танец? Вообще, конечно, раньше у нас бывали священнослужители, но Теодор Бергк был другим. Если он и явится, то только для меня, ради того, чтобы познакомиться со мной ближе и еще крепче связаться ниточки между нами.

«Лилит, малышка, идешь?».

«Да, одну минуту». Я посмотрела в свои широко распахнутые карие глаза. Мои зрачки всегда были такими огромными, независимо ни от света, ни от событий, ни от веществ в моем организме. Наконец, я встала и направилась на выход.

Пронизывающий писк микрофона закончился так же резко, как и начался. Полная тишина в зале. Белый очерченный

круг от прожектора появился на сцене. "Раз, два, три" – отсчитали удары барабанных палочек друг о друга. И зазвучали звуки духовых инструментов! Резко приоткрытая бархатная штора, и вот уже на сцене красуется моя ножка в чулке и на каблуке. Она делает манящее движение. Трубочник извлекает виртуозную мелодию, и в этот момент я отодвигаю штору и предстаю перед жаждущей публикой во всей красе.

Танцую.

Плавно двигаю бедрами. Взмах рукой.

Посмотри, какая я кроткая.

Античная красота.

Анатомия.

Аккуратного тела

гармония.

Баланс. Бальзам на твою душу.

Бархат кожи. Взглядом обездушу.

Безвинная, безгрешная развратница. Безнаказанная я проказница.

Взмах руки в рукаве из блесток и перьев. Стук наточенным каблуком. С меня летит последний элемент одежды, оставляя на теле только сладкую парочку: маленькие черные трусики и пэстисы с кисточками. Они подрагивают от каждого движения.

Безумна, безответна любовь моя. Бисквит сердца с алой кровью – съешь меня.

Вожденная, властная всадница,
в поволоке глаз моих грация.

Жадно шепчу заклинание: «Будь моим!»

И вот потекло твое сознание.

Надменна, непокорна, несравненна. Отважишься опьянить меня изменой?

Пьедестал давно тобою занят.

Раскат рапсодии тебя ко мне приманит.

Я твой трофей, вокруг – лишь тьма.

Увековечь:

в стихах заточи меня.

Зал грохочет от игры оркестра. Я выполняю свои завершающие танцевальные движения: поворачиваюсь к залу спиной, нагибаюсь, прогнувшись в спине на 90 градусов, и медленно очерчиваю свои бедра руками. Бабах! И вот уже с потолка летит поток серебристых блестящих конфетти! Гости ревут, безумствуют, хлопают до боли в ладони, выкрикивая мое имя.

«Гордость нашего „Шоу Сирен“ – Лилит!» – объявляет Мама, пока я смущенно прикрываю грудь ладонями и улыбаюсь толпе. Пройдясь по залу глазами туда-сюда, я уже вдруг подумала, что точно не найду здесь сегодня того самого. И вдруг... Его улыбка. Белоснежные зубы, добрые глаза и блондинистые волосы. Он смотрит прямо на меня. Обнару-

жив, что я заметила его, машет мне рукой. Как же я счастлива! Забыв обо всем на свете, я отнимаю руки от груди, начиная махать ему в ответ.

Глава пятая. Теодор

*И насадил Господь Бог рай в Эдеме на востоке;
и поместил там человека, которого создал.
(Бытие 2:8)*

«Ты любишь стихи?»

«Я учила псалмы».

«Расскажи мне о желании. Чего ты желаешь больше всего на свете?».

«Я желаю родить тебе семерых сыновей».

«Нет, что ты хотела бы сама для себя?».

«Стать отличной женой и матерью».

Я не врала ему. Разве что ответ про стихи обошла стороной.

Я смотрела прямо в его глаза, и весь лунный Париж отражался там. Мы сидели в моей комнате, вдаль от шума, прямо на шелковой простыне, в одежде. Вдруг он дотронулся до моего лица. Его красивые, тонкие пальцы прошлись по всему овалу. Я прикрыла глаза, утопая в нашей нежности. Тыльная сторона ладони коснулась щеки, а большой палец остановился на губах. Они были горячими и сухими. Он провел им по ним. Я коснулась языком кончика его пальца, при этом все еще не открывая глаз. Он резко втянул воздух через нос. Я не касалась его, и я знала, что и он не дотронется до меня нигде больше. От этой недосыгаемости воздух между

нами совсем накалился.

«Теодор, ты прекрасен», – прошептала я, наконец, вновь посмотрев на него.

Он улыбнулся: «Мне уже пора».

«Первый раз в жизни я готова умолять мужчину остаться и провести со мной ночь».

Бергк рассмеялся: «Не нужно умолять, Лилит. Просто не здесь и не сейчас...».

Он сделал паузу. Убрав руки, он улегся прямо на мои подушки и раскрыл руки для объятий. Я с радостью расположилась в них. Поглаживая мои волосы, он мечтательно протянул:

«Ты была сегодня прекрасна. Столь чувственна и при этом наивно невинна. Я восхищен каждым твоим движением, они все для меня значительны. А твой голос – песнь ружья».

Под его умиротворяющую речь я чувствовала, как мое сознание начинает отключаться. Мне было так спокойно и защищенно с ним. Я клянусь, что за всю жизнь ни с одним человеком не чувствовала себя настолько безопасно. Его грудь была именно моим местом. Каждая выемка была словно предназначена для физических особенностей именно моего тела. Аромат ладана и полевых трав, исходящий от Теодора, действовал медитативно. Так что мои внутренние раны буквально затягивались.

«Ты особенная для меня. Моя Лилит. Моя душа, будто

любит тебя уже которое тысячелетие».

Так странно, но я чувствовала ровно то же самое. Стоит начать верить в переселение душ? Под эти рассуждения мой разум окончательно отключился.

Глава шестая. Предвкушая вечер

Только Раав блудница пусть останется в живых.

(Книга Иисуса Навина 6:16)

"Разрежьте мне сердце – найдете в нем Париж". С этой мыслью я открыла один глаз. Яркое белое солнце безжалостно светило мне прямо в лицо. В кое-каком веке я не закрыла шторы. Так была обласкана моим Теодором, что забыла абсолютно про все, даже про ежедневную рутину, без которой, как я думала, не смогу уснуть.

Мой Теодор. Я улыбнулась. Чего это я так? Неужели мне настолько не хватало любви, что я влюбилась за одну ночь из-за душевных разговоров? Слева от меня зашевелилось тело.

«Доброе утро. Так сладко я не спал за все 26 лет», – он потянулся во весь свой огромный рост. «Который сейчас час? Половина седьмого есть? Мне срочно пора на работу».

Я, так и не проронив ни слова, озарила его улыбкой, которая скрывала в себе все самые хорошие мысли о нем.

Неожиданно и громко зазвучал голос Эвы: «Эй, все вы, кто идет на работу! Да, вы, мужчина в сером пальто, я о вас говорю! Пусть ваш день будет прекрасен, а мысли – полны этим утренним воспоминанием обо мне! Меня, кстати, зовут Эва!», и тут же раздался многоголосый смех. Я выгляну-

ла из своего окна и увидела, как в соседнем, задрав вверх руки, стоит Эва, показывая свои обнаженные груди. В следующую секунду из окна подались вперед Эмильена и Рене, только уже в одежде, заливая улицу громким смехом. Кто-то из прохожих махал им рукой и улыбался. Женщины, закрывая глаза своим детям, недовольно поглядывали на Эву. А несколько мужчин стали кричать, что непременно заглянут в наш бурлеск. День начинался с любви, смеха и лучей, обосновавшихся в моей комнате. Это было чудесное утро. А мое сердце ликовало.

Проводив Теодора, я пошла в комнату Эвы, где, как оказалось, собрались все девочки, включая мадам Тьерри. Рене, Эмильена и Эва устроили шуточную перепалку, а заодно и небольшую драку подушками. Словно за своими любимыми детьми с интересом наблюдала Мама, расположившись в богатом кресле и сложив пальцы треугольником. На кровати лежала Мадлен.

«Девочки, хватит орать, я сегодня не в настроении!»

«Отчего же?» – перевела на Мадлен взгляд Мадам.

«Каждый день одно и то же! Утром и днем тяжелый, отвратный сон после ночной оргии. Потом болезненный подъем с постели, столовая лечебная вода в попытках помочь своему организму справиться с похмельем, крепкий кофе, ленивое блуждание по комнате в попытках собрать мысли в кучу. Потом ванна, омасливание тела и волос, примерка наряда для вечера и ночи. Перебранки и споры с девочками

о том, кто сегодня берет жирного клиента. Тяжелый макияж, укладка, комплексы из-за тела, которое видишь в отражении. Наконец, сладкий или жирный перекус, вино, чтобы пережить эту ночь. Следом обязательно сигаретка. Переодевание в сценический образ. Выход в разукрашенный, дурно пахнущий зал, громкая музыка, приезд гостей, думающих только штанами. Снова вино, сигареты или сигары, если кто угостит. Танцы, песни с пьяными мужчинами. Лапаны, жамканы, лицемерие, пустые обещания. Шутки, драки, кокаин, табак и снова вино, очень много вина. Промискуитет с ночи до утра с женатыми, юнцами, разлагающимися старцами, несносно богатыми, бедными, нашедшими последний грош, холостяками, военными, больными, здоровыми, французами, индусами, американцами, русскими, грубыми, нежными, вонючими, волосатыми, бисексуалами... И только утром – недолгое освобождение и по новой. Изю дня в день, неделями, месяцами, годами».

По мере столь драматичной речи у всех присутствующих улыбки на лицах упокоились с миром. Девочки прекратили перепалку и осели на пол. Мама облокотилась на колени, поджав лицо ладонями. Я же стояла, опершись о стенку.

«Может, я хоть как-то скрашу твой настрой, Мадлен. Сегодня ты и Лилит идете на встречу в ресторан на крыше отеля. Вас заказали», – безэмоционально проговорила Мама.

«И как это должно мне что-то скрасить? Все одно к одному».

Я не слышала, о чем пошел дальнейший разговор, потому что наскоро вышла из комнаты, смахивая слезы. Несомненно, доля правды в словах Мадлен была. Если разумно разобрать наш день, как это сделала она, то ее слова будут точны в полной мере.

Почему же тогда мы не могли уйти отсюда? Жизнь, к которой мы привыкли. Возможно, я была самой богатой куртизанкой Парижа, но моих сбережений все равно не хватало для того, чтобы купить дом со слугами и зажить своим удовольствием. У меня была целиком обставленная мною комната. Мой гардероб состоял исключительно из вещей, которые я купила себе. Кольца и серьги были подарками ухажеров. Я словно ни в чем не нуждалась, но вместе с тем не могла перестать заниматься этим. Конечно, не буду лукавить, иногда мне действительно нравилась моя работа. Во-первых, я обожаю секс. А возможность попробовать много и разного буквально сводила меня с ума от вожделения. Во-вторых, мне нравилось находиться в обществе и быть его центром. Этот микромир – основной зал "Шоу Сирен" делал меня королевой нашей вселенной. А кем бы я была за его пределами? Пока что обо мне говорят, меня желают, обо мне думают. А помнили бы меня, живя в своем особняке за пределами Парижа? В-третьих, мне нравилось общаться. Сколько же характеров и душ я здесь познала! Сколько темных уголков рассмотрела! Сколько желаний и жутких ипостасей человеческой природы мне пришлось лицезреть! Я могла бы напи-

сать книгу о людях. Те, у кого нет такого опыта общения, даже не представляют, что такое человек – не каким он должен быть, не как мы привыкли представлять мужчин и женщин, а какие они есть по своей природе. И их стороны делятся не только на прекрасные и ужасные. Они имеют десятки, если не сотни оттенков.

Ну, и, конечно, честно говоря, я не представляю, как я смогу бросить Мадам. Мы прикипели друг к другу. Да, в вопросе денег мы строго придерживаемся профессионального тона, но в остальном... Думаю, нам будет горько расставаться. И жалко бросать ее, ведь, все-таки, я – основной ее достаток.

Вытирая лицо белоснежным полотенцем, я посмотрела на свои заплаканные глаза. И, как это часто бывает, мои слезы от вида такой несчастной мордашки потекли новым потоком. От чего я рассмеялась. Мне бы себя жалеть! У меня есть все!

Только я об этом подумала, как мое сердце защемило тоской. Без настоящих причин, но предвкушая предстоящие обстоятельства. Я прокашлялась, чтобы привести себя в чувства, и вышла из ванной, все еще наполненная этой тревогой.

Глава седьмая. Маскарад

Любовь все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит.

(Первое послание к Коринфянам 13:4–8)

«Маскарад? Да, что только богатые не придумают», – округлила глаза и надула губы Рене.

«Ладно, давай, садись», – она махнула рукой, призывая сесть к себе на кровать, и тут же принялась перемешивать карты.

«Какой у тебя запрос?».

«Запрос? Ну, давай узнаем, что меня ждет на этом маскараде».

«А можно точнее, Лилит? На маскараде тебя сегодня ждут, как минимум, сальные взгляды, а как максимум – секс. Это я тебе и без карт скажу».

«Рене, у меня есть какое-то предчувствие. Не могу успокоиться. Вся трясусь. Словно и радостный трепет, и ощущение какой-то уникальной ошибки. Сама в себя не могу прийти. Рассеянная вся».

Рене долго смотрела мне прямо в глаза. А потом снова начала тасовать карты Таро.

«Карта Влюбленные. Интересно. Дальше карта Дьявол. Луна. Семерка мечей. Очень интересно, но уже пугает. Посмотрим дальше. Десятка мечей. Башня. Вытяну послед-

нюю. Смерть...».

Я совершенно не знала что это означает, но животный страх сковал все мое тело.

«Рене?..»

«Лилит... Я, конечно, не ясновидящая, но тебе стоит быть там осторожнее».

«Что это значит, Рене?» – мое сердце, словно птичка в клетке, металось и готово было выскочить из груди.

«Смотри, "Влюбленные" – это хорошо, казалось бы. Встреча с избранником, влюбленность, нежность. Но влюбленный твой не простой человек, на что указывает карта "Дьявола". "Луна", "Семерка" и "Десятка мечей" обычно указывают на обман, предательство, неожиданные повороты событий, связанные с душевной болью. "Башня" и "Смерть" говорят о каком-то магическом воздействии на твою жизнь и полное перерождение. Это карма, Лилит. Не знаю, что там у тебя сегодня произойдет, но оно точно должно было случиться. Кто-то ведет тебя».

* * *

Перед выходом в зал я поправила на себе мужской костюм и шляпу. Выставив вперед дорогую трость с головой пантеры, шагнула в залитое шумом пространство.

Из Дефанс Дурдан явились братья Дюбуа. Из Ле Бурже – Леон Лебье. Был и сенатор Эмиль Ройтленгер, и главный

редактор журнала «Франс-Суар», Виктор Суре. И Жан Дюран, и Шарль д'Омон, и Жерар Лебье с сыном – все они что-то такое делали в кино. А потом еще Николая Готье с женой – популярный сейчас художник, по нему все с ума сходят. Герцогиня де Шампань с подружкой мадам Фуко – эти ездили не только ради карт, но и ради женщин. И многие другие завсегдатаи светских мероприятий, ресторанов, баров и, конечно же, моего бурлеска.

«Эдвард Стэнсгейт. Приятно познакомиться, миледи».

Я повернулась на звук мелодичного голоса и тут же встретила лицом к лицу с ним. Улыбка белоснежных зубов подчеркивала его мелкие морщинки у ярких глаз. Глаза его источали свет. Они были абсолютно добрыми и выражали неподдельный интерес. Они были нежного фисташкового цвета без примесей иных оттенков. А зрачки настолько маленькие, что позволяли еще больше замороженно утонуть в этой благоговейной, чистой, спокойной зелени. Его пшеничные, уложенные волосы блестели под теплым светом ламп. Небольшой нос, небольшой рот, румянец на щеках. И густые брови, обрамляющие черные ресницы. Его молочный костюм был необычайно чистым и выглаженным. Оранжевый галстук отлично сочетался с его загорелой кожей.

«Месье Стэнсгейт, ни одна уважающая себя парижанка не станет переходить проезжую часть по зебре и на зеленый свет. Она обязательно дождетса плотного потока машин и ринетса напрямик, зная, что рискует. Буду перед вами со-

вершенно душевно нага – я рискую, Эдвард», – совершенно самозабвенно воскликнула я.

«Наконец-то, я могу хотя бы рассчитывать на толику смысла в этом торжестве, а не только весь вечер запивать холодным шампанским искусственное веселье», – Эдвард снова улыбнулся, не уводя искрящихся глаз от моих. «Позвольте же преподнести вам цветы красноречия и пригласить вашу компанию милых дам в наш союз серьезных мужчин».

В мужчинах оказалось не так много серьезности, сколько пафоса, с которым они обсуждали возможность узаконивания проституции:

«Проституция поддерживает развитие государства через штрафы, налоги и лицензии на алкоголь. Поддерживает мужчин на рабочих местах, что работают в качестве полицейских или медиков. В конце концов проститутки снижают градус агрессии среди мужского населения, вдоволь выплескивая ее... в прямом смысле».

Трое мужчин громко рассмеялись, я же меняла ногу на ногу каждый раз, когда слышала слово «проститутка». Это наверняка странно, ведь я, по сути, ей и являлась. Однако никогда ранее, даже косвенно обо мне так не говорили. От того я пыталась переварить это слово, смакуя, вот только получилось лишь неприятно проглотить его комом, режущим горло и пищевод.

«А какая прибыль идет рынкам, если рядом с ними бордель! Да и вообще, бордели – своего рода достопримечатель-

ности в каждом городе и в каждой стране, а проститутки – лицо нации!» – мужчины снова захохотали.

«А какую мораль несет проституция!» – неожиданно подхватил другой. «Продажа тела защищает от изнасилований тех женщин, что боятся мужчин – это раз», – мужчины единодушно кивнули, к этому моменту к ним присоединилась уже целая толпа мужчин и женщин. «Препятствует супружеской измене по любви – это два! И, в конце концов, не допускает гомосексуализма и кровосмешения – это три!».

«Подписываюсь под каждым словом!» – выкрикнула чья-то сопровождающая, держась под руку за своего покровителя. Толпа разразилась переливами звонкого женского смеха и грудным мужским.

«А вот в Древнем Вавилоне нас бы называли хранительницами любви и служили бы мы в храме великой Иштар. Она царствовала в пантеоне богинь», – я подала голос, глядя на удивленную толпу. Очевидно, никто не ожидал услышать такую реплику от «проститутки». А я не ожидала от себя, как к концу этого короткого, но острого полилога, я уже четко приняла этот факт – я никакая не жрица, не повелительница мужских сердец, не обладательница прелестных форм, а настоящая проститутка.

«Милочка, какие познания!» – все мужчины снисходительно улыбнулись, по толпе прошелся одобрительный шум, который через минуту стих.

Все вели себя так, будто не произошло этого большого

внутреннего взрыва, открытия подмены понятий, расширения зрачков от переосмысления всех смыслов, заточенных собственной фантазией. Но произошло. Конечно, произошло. Внутри меня только что пронеслось целое цунами. Так оглушительное, что весь этот звон бокалов, шелест подолов платьев и многообразие интонаций казались пронзительной тишиной. Я сидела не одна, но так по-одинокому, что даже не заметила, как все это время на меня с большой тревогой в глазах смотрел Эдвард Стэнсгейт, который отчаянно пытался взять меня за руку, но так и не решился прикоснуться из-за своего стеснения.

«Лилит... Мы можем уйти отсюда прямо сейчас. Вы расскажете мне абсолютно все, если сможете. Но я точно обещаю, что смогу. Смогу вас выслушать, и почти обещаю...», – он осекся и тут же разозлился на себя. «Нет! Я абсолютно точно обещаю, что пойму вас! Вы не сделали и половины тех плохих вещей, что совершил я, а к себе я с завидной регулярностью ожидаю от людей, почему-то, полного принятия и понимания».

Я посмотрела на него и засмеялась.

«Вот, от жены моей тоже почему-то жду. Что она поймет, что сидеть сейчас с вами намного правильнее, чем находиться в компании с ней и ее подругами, которых я презираю. Они всем столом, кстати, прямо сейчас осуждающе смотрят на нас», – я испуганно начала оборачиваться, но Эдвард нежно, но быстро схватил меня за подбородок, направляя мое

лицо обратно к его лицу. «Вас не учили не смотреть злой собаке в глаза? Тогда у вас было бы уже пятьдесят процентов шанса на выживание».

«Как вы нетактично о своей жене отзываетесь. Никогда не понимала, что же заставляет мужчин жить с нелюбимыми».

«Понимание придет к вам с мудростью, я убежден. Не будем даже тратить время на эти объяснения», – Эдвард многозначительно кивнул головой в сторону двери. «Мне кажется, мы оба уже нашли здесь все, что искали».

Глава восьмая. Ла Ферте

*Куда ты пойдешь, туда и я пойду, и где ты жить будешь, там и я буду жить; народ твой будет моим народом, и твой Бог – моим Богом.
(Книга Руфь 1:16–17)*

И вдруг открылся простор летних луговых полей: бабочки-капустницы порхали, играючи сбивая друг друга; облака, обдаваемые ветром, бежали с бешеной скоростью на лазурном полотне неба; головки мака ласкали своей нежностью щиколотки при задорном беге сквозь все волшебное пространство, залитое солнечным светом, который простирался в благословении над этим лугом, над городом, над всем миром. Ритм крутящегося, словно наперегонки с кем-то, земного шара был настолько немислим, что показалось, будто воздух резко кончился. Тогда я протянула руку прямо перед собой, схватив в отчаянии пригоршню кислорода, умыла им лицо и, полуоткрытым ртом, задышала снова еще глубже, чем прежде! Вот бы увезти с собой кусочек этого времени, освещенного его присутствием. Увезти, как ракушку с пляжа, как камушек с пирса, как родную мокрую от дождя землю в качестве талисмана удачи. Греть внизу живота теплые воспоминания. С замиранием ожидать, что это повторится вновь. Именно так я чувствовала влюбленность к мсье Стэнсгейту. Так ощущала ту жизнь, которой он меня награ-

дил.

Наш дом и так был самым известным кабаре в Париже, но Эдвард помог собрать для нас исключительно многочисленную аристократическую клиентуру, а меня лично сделал сенсацией. Другие знатные женщины были подкуплены для того, чтобы сформировать мое окружение. В качестве приданного для моего эксклюзивного контракта на оказание услуг Эдварду я получила огромную сумму, замаскированную под пожертвование через святого отца Теодора моей любимой церкви.

Он также арендовал для меня замок Ла Фертэ в Луаре, который является бывшим цистерцианским аббатством. После захвата два века назад большая часть строений была уничтожена, а монастырские земли распроданы. Однако, затем все было перестроено под богатый дворец. Витражные окна, безукоризненно ухоженная территория, изысканные интерьеры. Только представьте! В моем будуаре стояла изготовленная на заказ бронзовая ванна с монограммой – моими инициалами – «Л.Б.». А в спальне висел писанный красками автопортрет: обнаженная Лилит, меж ног которой рос прекрасный цветок.

Раз в три недели я устраивала в поместье торжественные приемы, на которые всем слугам было поручено не жалеть средств. А я развлекала гостей своими поэтическими чтениями. На самом деле, быть частью культурной жизни для женщины моей профессии было вопросом не просто статуса, но

и выживания в мире элит. Именно это и отделяло велико-светскую благочестивую куртизанку от уличной проститутки. Это была единственная черта, соответствующая Эдварду.

Итак, иногда это были томные и загадочные выступления, а случилось, я решалась на диковинку:

«Дамы и господа, буквально через минуту ожидайте самое экстравагантное блюдо этого вечера!» – прогремел дворецкий, в то время как остальные изумленно переглянулись.

«Блюдом вечера» была я, внесенная в зал на огромном серебряном подносе, обнаженная, украшенная только красными яблоками. Это было шедеврально. Не было знатного человека во всей Франции, не знавшего о моих торжествах. Все мечтали попасть сюда, и попадали! Если, конечно, были избранными. Моя система была гениальной: двери резиденции, за которой их ждала секретность, конфиденциальность и тайна, открывались только по звонку в конкретное время определенному человеку. А дальше – полное облачение в искусство любви и во внимание великой женщины – меня.

В течение всего этого полугодия я получила несколько предложений руки и сердца, и все, конечно же, от богатых мужчин. «Благотворители», как я их нежно называла, пошли бы на многое, чтобы получить такую искусную куртизанку в качестве приза на долгосрочной основе. Однако, несомненно, я была влюблена только в одного – в Эдварда Стэнсгейта. В качестве символа своей любви к нему я придумала незабываемый подарок для него – слиток из гипса по форме своей

груди. Если бы я могла, подарила бы слиток не груди, а своего кровоточащего и звенящего от нежности к нему сердца! Все, о чем я мечтала, – это стать навсегда его...

* * *

«Крошка, как по мне, брак – это нечто вроде кооператива, ответственного за обеспечение иногда любовной, иногда сексуальной, иногда душевной связей и индивидуальных потребностей. Что значит навсегда? Брак вообще должен быть временным. Долой тиранию единичной любви! Вычеркиваем слово «верность»! Слишком запутанная система», – отмахнулась от меня Мадлен, до сих пор не моргая, смотревшая мне в глаза, слушая о моей новой жизни. Ее эмоции было сложно угадать. Вот она ловит каждое слово, а вот уже, не веря в услышанное, морщит нос.

«Одно могу сказать точно, милая, любишь – люби, пускай. Но люби ты саму любовь и себя в этой любви, а не мужчину. Иначе окажешься в их власти. Он всего лишь клиент, Лилит, попомни мои слова. Полюбив его, ты лишишься всего», – твердо сказала Мадам Тьерри, словно она точнее всех в мире понимала, что говорит. От чего меня пронзило страхом, а в душу просочилась темнота.

«Вы обе говорите глупости, при всем уважении, Мама! Вы просто боитесь, что, уйдя из Дома, клиенты, которые появлялись здесь ради меня, просто покинут вас!», – вдруг вско-

чив с постели, где мы втроем минутой ранее мягко лежали, крикнула я.

«Наша связь с Эдвардом это первобытная сила!».

«Это твой рок», – пробормотала Мама.

Глава девятая. Влюбленные, дьявол, луна, башня, смерть

Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность.
(Песнь песней Соломона 8:6–7)

Я бродила по комнате, смотрела в окно, припудривалась, пыталась заняться чтением, раскладывала карты, переодевалась в новое – все что угодно в ожидании встречи с ним. Я ушла из Дома Сирен. Как мне казалось, навсегда. Расстались мы с Мамой натянуто, ведь она теряла значительную прибыль из-за моего ухода из профессии, однако тепло обнявшись. Девочки же повели себя странно.

Поведение тех, с кем я прожила плечом к плечу многие месяцы и даже годы было для меня неожиданным. Лишь Рене состроила гримасу грусти, когда я объявила о том, что покидаю их.

«Предательница!», – со злобной ухмылкой крикнула Мадлен.

«Я? Почему?»

«Ты. Ты прекрасно знаешь, что каждой из нас нужно кормить себя, наш дом, отправлять деньги нашим семьям. Уйдешь ты, за тобой уйдет добрая половина клиентов. Ты не

можешь так поступить».

«Не только могу и буду. Что за глупости. Я люблю своего мужчину и принадлежу только ему».

«От твоего мужчины толк был только в том, что некоторые из его подарков от излишества ты передаривала нам».

«Ах вот как!»

«Тише, не говорите так громко», – добавила Мама. «Пусть уходит. Мадлен, приди в себя».

Когда двери Дома остались за моей спиной, я, почему-то перешла в предпоследнюю стадию принятия, плавно переходящую в торг и гнев. После нерассуждающей радости при мысли, что я не буду спать ни с кем, кроме Эдварда наступило замешательство. А после настала очередь сокрушительного изумления от того, что моя жизнь больше не будет прежней. Я так долго была закрыта в этом шкафу с перьями, платьями и благовониями под названием «Дом Сирен», что перестала мечтать о жизни домохозяйки, хранительницы очага. А, возможно, едва ли когда-то мечтала. Сейчас же, присев на крыльцо, я переживала свою новую роль в мыслях и фантазиях, стиснув зубы в неимоверном, предельном напряжении. Я просидела так с полчаса, пока внутри меня не пришла в статику натянувшаяся перекрученная пружина.

* * *

«Лилит, моя темная ночь, ты как?», – крикнул с порога

Эдвард, попутно снимая носком одной ноги ботинок с пятки другой.

«Почему «темная ночь»?».

«Ну как же. Библию не изучала? Лилит переводится, как ночь или же ночное привидение!», – он устрашающе и вместе с тем забавно поднял руки, растопырив пальцы. «Она была первой женой Адама. А потом он ее бросил, и она стала демоницей, убивающей младенцев».

«Надеюсь, со мной такого никогда не случится», – ответила я, сделав очередной глоток красного сухого, переведя взгляд со своих лоснящихся ног прямо ему в глаза.

«Ты на нее действительно похожа. Написано, что она была очень покорная, умела ублажить Адама. А еще у нее играло обостренное чувство справедливости. Лилит боролась за равенство с Адамом, а ее будущий муж – Люцифер за равенство с Богом, на том они и сошлись».

Секундная пауза. Улыбка, балансирующая между неловкостью, стеснением и приливом счастья от нежности. Поднявшись с подлокотника кресла, я направилась к нему кошачьей походкой. Встала перед ним, оголив душу, а вместе с ней и плечи, с которых спустились лямки жемчужной сорочки. Перед ним предстала и моя голая грудь. Он некоторое время смотрел на нее глазами, полными любви и нежности, а уже через мгновение одарил ее множеством поцелуев, в конце которых, в притворной борьбе, с меня упали остатки длины платья. Моя округлая грудь так часто взды-

малась и опускалась, словно била в тревожный барабан Купидона, призывая к немедленному штурму на случай, если непременно капитуляция будет отклонена. Его подрагивающие от вожделения губы приглашали, нет, провоцировали мой впившийся поцелуй, слитые в зачатии со вздохами и полузакрытыми глазами. Дальнейшее сопротивление не предполагалось. То, что последовало за этим, можно лучше представить, чем описать.

* * *

Мы сделали буквально минуту перерыва, чтобы жадно набрать воздуха в легкие. Я покраснелась и немного задыхалась от накатившей страсти. Нам было мало. Я громко прошептала ему прямо в ухо:

«Эдвард, милый, я так люблю тебя. Я хочу быть всю жизнь с одним тобой. Стань моими легкими. Я отдаю тебе свою душу за бесценок!»

«Лилит, я тоже люблю тебя», – с усталой улыбкой, он нежно гладил большим пальцем мою щеку.

«Эдвард, не многого ли я попрошу, но я так хочу тебе сказать это прямо сейчас. Если не скажу, я умру сейчас же! Не могу больше бороться с собой!».

«Говори же, мой нежный ангел».

«Будь только моим. Давай поженимся...Почему молчишь?», – я, подавляя страх, в котором я вязла с головой по-

сле этих желанных мною слов, смотрела ему в расширенные зрачки.

«Лилит, чтобы нам пожениться мне придется развестись с ней. Ты понимаешь, о чем просишь меня?»

«Конечно. И в чем проблема? Ты любишь меня, а не ее, ведь так?».

Глава десятая. Женщина чужая

*В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не
возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо
прах ты, и в прах возвратишься.*

(Бытие 3:19)

Так, став любовницей Эдварда Стэнсгейта, я совершила ошибку, которая была обычной для многих куртизанок – попыталась заменить официальную жену. Необдуманый шаг. Неблагодарность, которая быстро привела к моему падению.

«Эд, я хочу сделать тебе подарок. Это гипсовый слиток моей кисти. Прошу, прими его. В знак моей нежности, что я дарю, прикасаясь к твоему лицу».

«Боже, Лилит, оставь это себе. Куда прикажешь мне нести это? Домой к жене?»

«Черт возьми, Эдвард, только попробуй еще раз произнести наименование родственной связи с этой женщиной, и я повешусь сегодня же вечером!»

«Лил, ты сумасшедшая! Все, я убираюсь отсюда, делай что хочешь! Честно, мне надоело», – схватив свой серый пиджак, он стремительной походкой направился к выходу из моего поместья.

«Я дал тебе все! Все что у тебя было – славу, деньги, дом, вещи, прислугу, машину, я могу перечислять долго, но тебе

стало мало! Ты забыла свое место. На этом все кончено», – развернувшись вновь лицом ко мне, прокричал он.

Я завизжала так пронзительно в попытке или убить себя этой вибрацией, или излечить. Эдвард на секунду остановился, прижав руки к ушам, а затем еще решительнее, чем прежде, направился в сторону входной двери, прибавляя шаг, наполненный подавленным гневом.

Я побежала за ним. Кинулась к его ногам, не жалея коленей. Весь дом наполнился моими криками боли. словно сама не своя, я цеплялась за его штанину, как напуганный одиночеством ребенок. Эдвард брезгливо тряхнул ногой и резко захлопнул дверь. Я просидела так буквально мгновение, затем, в безумии, побежала за ним, крича вслед что-то неразборчивое.

«Лилит, ты совсем ненормальная?! Ночь на дворе, ты простудишься, иди домой!».

Мое лицо исказила улыбка:

«Ты заботишься о том, чтобы я не замерзла. Я так рада, что ты все же любишь меня», – кинулась я ему на шею.

«Черт подери, отстань от меня! После этой сцены мы с тобой никогда не увидимся. И сказал я про дом лишь, чтобы ты ушла, а не из заботы! Как чужой человек может проявлять заботу и любовь, если ты сама себя не уважаешь?».

От этих слов я начала плакать еще сильнее, снова переходя на крик, но не отпуская его. Обхватывала его шею словно щупальцами, в попытках навсегда пустить в него корни.

«Эд, я люблю тебя, только, прошу не уходи! Я умоляю, не уходи от меня! Я была не права. Не нужно жениться, будем просто встречаться, только останься со мной этой ночью! Я...».

Воздух зазвенел от хлесткой пощечины. Опешившая я, держалась одной рукой за щеку, а второй облокотилась на землю, на которой оказалась ни то от удара, ни то от потрясения.

«Ты мне противна. Не приближайся», – он дополнил свои слова смачным плевком мне под ноги. Высмотрев, что я, кажется, хотя бы пришла в чувства, он стремительно пошел, все больше поглощаясь сумраком ночи.

Я сидела на холодной земле. Отрезвленная, униженная, разбитая. Смешная, растрепанная, красивая. Ненужная ни семье, ни сиренам, ни ему, ни тем более себе. Мое сознание отчаянно цеплялось за реальность, однако разум все больше погружался в ее отсутствие. И вот мне уже показалось, что все это – кошмарный сон. Этого не было. А была ли вообще я? Существовала ли когда-то я? Меня охватила паника. Ужас, доводящий до сумасшествия, заставил меня так резко подняться, что у меня закружилась голова и, от чего-то, резко пропал воздух. Я задыхалась, одновременно и боясь этого, и мечтая об этом. И вдруг я побежала. Вперед. За ним.

«Эдвард! Эдвард, ты где, любимый?» – кричала я. От мысли, что где-то за тем деревом или ближайшим поворотом я увижу его, от низа живота разгоралось тепло счастья. Я бе-

жала и улыбалась, не переставая произносить его имя, пока в конце концов мои губы не стали запинаться от этого, а мои ноги заплетаться от бега. Глаза скакали из угла в угол в попытках найти его. «Не может быть, должно быть я пропустила его!».

Резко рванула назад. Остановилась, оглядываясь, словно хищник, который выкрутил свои способности для благополучной охоты на максимум. Мне были доступны все шорохи, едва уловимые мелькания теней. Запах тины из ближайшей речки, манящего елового леса и своего пота. Только сейчас я поняла, насколько я была мокрая. Кожа головы, ладони, между грудей – везде пот стекал ручьем.

Так или иначе, я осознала, что не найду его. Ни здесь. Ни отныне в своей жизни.

Это немаловажное для меня событие надолго оставило шрам на моей психике. Лишь позже оно обновит мое впечатление о мире и заставит взбудоражить память о том, что я – навсегда я.

Я могу надеть все свои бриллианты и голой возлечь на чистые простыни кровати в своем поместье, но это не делает меня более желанной для того мужчины, который меня больше не желает. Я могу закатываться со смеху от его шуток, сверкая белоснежными зубами, а он будет смотреть на меня, думая лишь о том, что мои зубы слишком большие или слишком маленькие, клыки кривые, а передние два – слишком выделяются. Могу быть самой покорной, претворяясь,

что я не рождена из огня, поклоняясь ему, словно Богу, а он будет считать меня замухрышкой. И, шагая ко мне на встречу, будет вынужден заставляя себя двигаться вперед больше, чем я заставляю себя слушать «интересные истории» о «таких славных» чужих детях. Если мужчина не любит тебя, и речь не про твой образ, а твою личность, твои интересы, твое пространство, то как бы ты ни старалась перевоплотиться ему под стать – это бессмысленно. Ведь я – навсегда я.

И лишь спустя значительно долгое время я поняла больше: найти себе партнера среди нескольких миллиардов вечно занятых, невидящих ничего вокруг, таких разных, несочетаемых людей – практически невероятная задача. И если эта самая действительно невероятная задача тебе неподвластна после многочисленных проб и ошибок, то может стоит принять факт ее сверхсложности? Одиночество – это нормальное состояние. А пытаться прилепиться к человеку, изменить его или себя, стачивая друг друга, словно детали, крича при этом от боли – вот это ненормально. Кардинально менять друг друга – ненормально.

Сейчас я благодарна за то, что Эдвард, движимый кем-то или чем-то отверг меня. Ведь все это в конце концов и привело меня к Нему.

Глава одиннадцатая. Искусство

*Бог мой послал Ангела Своего и заградил пасть львам, и они не повредили мне, потому что я оказался перед Ним чист, да и перед тобою, царь, я не сделал преступления.
(Книга Пророка Даниила 6:22)*

Я была отчаянно одинока. Мой дом пришел в упадок, и лишь изредка я предпринимала истерические попытки превратить Ла Фертэ в тот великолепный дом, который когда-то был при Эдварде. Этому мешали душевные и физические болезни, которые я получила, борясь сама с собой после расставания с ним. В любом случае, я безумно ждала его возвращения.

Скрывать свое глубокое горе было тяжело. Я отвлекалась азартными играми, поддавалась запоям, чревоугодию и щедрым тратам из оставшихся денег. Когда они начали заканчиваться, пришлось принимать клиентов, причем в образе, далеком от той страстной куртизанки, которой я была ранее — убитая горем, я лежала в постели, утратив себя в слезах.

Все стало еще хуже, когда я получила телеграмму от Эда, который приказал мне покинуть поместье на следующее утро. Чтобы не оказаться на улице, приходилось ночь за ночью проводить время с молодыми и богатыми людьми. Моя жизнь, в конечном счете, стала до боли трагичной. Передо

мною стоял выбор: быть просто бедной и униженной до конца своих дней или иметь ближайшее будущее, которое несло только болезни и, в конечном итоге, смерть.

Одним холодным утром я открыла глаза, потрясенная сновидением. Я, Лилит Буланже, известная парижская куртизанка, предававшаяся всем немислимым порокам, триумфально шествую на изящной колеснице, восседая в позе Семирамиды в сопровождении заклинательниц и ведьм под аккомпанемент неистовой музыки. А вслед за мной несут портреты моих бесчисленных любовников. Я была из тех, кого увлекало толкование снов, спиритизм, гадание на кофейной гуще. Так что то, что я увидела этой ночью, заставило меня надолго провалиться в раздумья. О чем был этот сон? Столь яркий, просто невероятно. О чем он мог мне говорить? Это заставило меня встревожиться. И дало идею, наконец, посетить церковь, куда не ступала моя нога уже год, так точно. Наспех собравшись, чтобы, уже с опозданием, но все же успевая на мессу, внутри меня зародилась надежда о встрече с моим старым любимым другом – Теодором Бергком.

Дверь в церковь отворилась со скрипом. Я поморщилась. «Эх, надо было помолиться о бесшумном вхождении в храм. Это наверняка, потому что я забыла покреститься перед входом». Дальнейшее заставило меня смутиться еще больше, ведь вошла я на словах:

«Здесь «Содом и Гоморра» – один грех! Париж превратился в место, где негде плюнуть, чтобы не попасть на про-

ститутку! Бог дал каждому любовь. Бог и есть любовь. Любите друг друга в браке. Все остальное – это прелюбодеяние!».

«Мы – создания Дьявола. Любовь не для нас...», – прошептала я и принялась искать глазами Тео. Но, не найдя, продолжила слушать проповедь. Или только делать вид. Признаться, кроме той фразы, в меня не вошла больше ни одна мысль проповедника. Я думала о Теодоре, о «сиренах», о том, кого буду принимать сегодня. Клиентов становилось все меньше, что не удивительно – кому захочется вместо животной страсти быть участником сопливых рассказов о бывшем. Еще думала о своей матери. Может, я такая несчастная, потому что в этом виновата она? Или судьба, написанная неким ангелом в небесной канцелярии? Как только я задумалась об изречении, что мы – собственные творцы своего счастья, то услышала позади голос Теодора.

«Знаешь поговорку? Кто слезы лил, то искренней смеялся».

«Знаю такую: когда лес горит – все видят, когда душа сгорает – не видно никому».

«Тоже верно. Присядем?».

Мы прошли в отдаленное от всех людей место.

«Как же нам нравится изо дня в день смаковать свою боль. Как часто, когда нам плохо, мы вспоминаем о добродетели нашего мира? Как часто мы сопоставляем хорошие и плохие воспоминания? А ведь хорошего ты точно найдешь больше, так устроен человек. Причем так странно, мы настолько со-

средоточены на своей обиде, что не забываем найти нить наших поступков, которые и привели нас к этому. Каждодневный собственный выбор несет нас к судьбе. Я спрошу тебя: любовь или боль? Ты ответишь мне сейчас «любовь», но де-факто всегда выберешь боль. Понимаешь, о чем я?» – проникновенно начал Теодор.

«Ты прав, Теодор. Думаю, мне нравится бесконечно обсуждать свою боль со всеми, кто готов выслушать, и с самой собой в голове. Никак не могу отпустить тот факт, что Эдвард бросил меня. Даже не верится. И отныне я не вижу ориентиров. Знаешь, меня стали посещать мысли, что надолго меня не хватит. Я уже потратила почти все деньги, что имела. А секс перестал быть для меня искусством, теперь он – средство для выживания. Изо дня в день меня одолевают грехи. Не думаю, что протяну так долго. В конечном итоге, чувствую, стану уличной проституткой с тифом, которая умрет от опиумной передозировки».

Теодор многозначительно вздохнул. Немного помолчал. Я вдруг подумала, что, должно быть, работа церковным служителем значительно тяжела психологически. Найти верные слова, не давить, дотронуться до души. Необходимо быть архичувствительным к человеку.

«Лилит, вот ты говоришь, что секс был для тебя искусством. Ты была, да и в душе остаешься бурлеск-артисткой, что тоже является искусством. Твои вечера в поместье однозначно были искусством. Я не мог на них присутствовать, но,

поверь, был осведомлен. Лично твоя жизнь – это плот, который идет по морю, волны которого – искусственные улыбки, искусственные манеры, искусственные образы, маски, маскарады, танцы, игра на одну ночь. Почему ты вдруг решила, что расставание с Эдвардом не является сценарием твоей жизни? Благодаря этому событию ты сняла маску и, наконец, увидела себя в данном воплощении. Но при этом та самая маска все еще осталась у тебя в руках. Ты можешь надеть ее вновь и осознать, что расставание тоже искусство, ровно такое же, как и любовь. Держась за прошлое, ты собираешь рассыпавшийся жемчуг твоего ожерелья, в котором ты должна выступать. А до самого выступления остается всего ничего, каких-то пять минут. Толпа ревет, ждет именно тебя на сцене. А ты занимаешься тем, что ползаешь по грязному полу, собираешь жемчужинки в ладонь и снова рассыпаешь, злишься на то, что это вообще произошло. Вместо того, чтобы просто схватить любые другие бусы. С тебя не убудет, ты сама ничего не потеряешь, надев другое украшение. Ты независима от этого дурацкого жемчуга. Так иди и надень на себя новый образ! И выходи на сцену, Лилит. Выбор есть всегда. Но он виден лишь тем, кто свободен от самовыдуманных границ. Все уже произошло – бусы рассыпались. Все твои самые главные страхи обнажились. Все самые заветные мечты вдруг уже сбылись. Все предчувствия прорезаются в твою реальность, чтобы привести тебя к настоящей Себе. Нет ни врагов, ни друзей, все пустое. Есть только

ты и твое восприятие. Ты можешь разрушать и винить мир. А можешь найти возможность создать».

«Откуда в тебе столько мудрости, Теодор?».

«Дорогая, у всякого святого есть прошлое, а у любой грешницы есть будущее».

«Научить праведность может лишь грешник, получается так? А в настоящих блаженствах знает толк именно святой», – я засмеялась Теодор подхватил мой смех.

«Я лгал и лгали мне. Я изменял и изменяли мне. Я влюблялся и влюблялись в меня. Я жил в достатке и жил в обделении. Я был зависим от других и был одержим лишь собой. Я молюсь Богу каждый день, но каждую ночь я лично знаю, что дьявол существует. Именно поэтому я свободен».

«Тео, я благодарю ангелов, что ты у меня есть. А также за то, кто я есть и кем еще могу стать. Знаешь, говорят, когда вы встретите человека, который полюбит вас, вы встретите самого себя. Словно сегодня это и случилось», – я немного помолчала, а потом добавила: «А в твоей жизни еще осталось искусство?».

«Ближе всего к искусству я был, когда целовался с тобой».

После этих слов я положила голову на его колени. В то время, как он молился с закрытыми глазами, с осторожностью расположив свою ладонь у меня на волосах.

Глава двенадцатая.

Атлантида Китти

*Ибо какая польза человеку, если он приобретет
весь мир, а душе своей повредит?
(Евангелие от Матфея 16:26)*

После разговора с Тео моя душа значительно успокоилась, если не сказать окончательно. Я просто однажды вышла из дома и осознала, что наступило лето. Я с удивлением наблюдала за сочностью зеленого цвета травы, постукивала пальчиками в такт поющим птицам, вдыхала вечерний теплый воздух. Мое настроение испортила безумно странная новость.

Я гуляла по центру Парижа, наслаждаясь одиночеством, когда вдруг увидела у газетного киоска толпу людей, смеявшихся и споривших о чем-то. Подойдя к ним, я решила уточнить, что происходит. Мне предложили купить газету, огромный заголовок которой гласил: «Атлантида Китти». Перелистнув страницу, я обнаружила поименный список куртизанок Парижа и пригородов, где рядом с именем каждой была неприемлемо отвратительная характеристика, касающаяся внешности, а также качества удовлетворения.

«Аделаида Пети – большие и некрасивые соски. Катрин Тома – неумеха в оральных ласках. Жули Мартен – рыхлая

задница», – я пробежала глазами по списку, пока не нашла свое имя.

«Лилит Буланже – спит со священником, да и к тому же ненормальная собственница».

«Готова поспорить, это сделал клуб ревнивых страшных жен!», – я услышала знакомый голос. Повернувшись на звук, я узнала Рене.

«Рене! Как я рада тебя видеть! Ты тоже здесь есть?»

«Куда же без меня, Лилит! «Рене Леже – мужененавистница с трясущимися жирными руками». Как тебе?!».

«Ужасно. Откуда они все это взяли?! Боже, не дай Бог у Теодора будут проблемы. Они ничего не докажут!».

«Лилит, они и разбираться не будут! Уволят твоего Теодора и глазом не моргнут, лишь бы скорее замять дело и не бросать тень на их церковь!», – Рене закатила глаза и покивала головой.

«Слушай, ну тогда мне надо поспешить к нему. Я хочу поговорить с настоятелем их церкви!».

«Постой, раз уж мы встретились...», – Рене замялась.

«В общем, знаю, что дела у тебя сейчас складываются не очень, еще и статья эта теперь. Мама все уладит, а ты у нас в одного теперь работаешь. В общем, недавно я была на вызове. Среди многих был один мужчина. Он ко мне не прикасался, просто присутствовал на встрече, а потом ушел. Осман Йылмаз. Заинтересован в поиске девушке под постоянное покровительство. Богат, как дьявол. Он поможет тебе. Ты

только приведи себя в порядок, я тогда и встречу устрою. Хорошо?».

«Рене, я не знаю, мне надо подумать. Сейчас есть заботы поважнее».

«Что может быть важнее, когда ты на грани нищеты, а ситуация может стать еще хуже? Ты и Теодор можете оказаться в таком положении, что придется довольствоваться самым необходимым. А вот если ты понравишься, то Осман может все уладить. Он влиятельный человек».

Я задумалась.

«А знаешь, что, пойдём прямо сейчас? В Дом Сирен. Мама по тебе соскучилась и девочки. Причешем тебя, а вечером вместе поедём на встречу. Договорюсь с Мамой, чтобы на первый раз без комиссии с тебя. Все! Решено!».

Глава тринадцатая. Цветок и нож

Сказал также Иисус ученикам: невозможно не прийти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят.

(Евангелие от Луки 17:1)

Встреча прошла успешно. Мой новый спонсор, найденный по наводке Рене Леже, погасил все мои карточные долги, займы в магазинах на наряды, долги в заведениях, где мне давали отсрочку по старой дружбе. Снял уютную квартиру в центре, обеспечил охрану и предоставил личного водителя.

Мне с ним было интересно. Вообще, одна из причин, почему эта профессия меня не отпускает, заключается в мыслях мужчин. О чем думает и говорит женщина? О кухне, болезнях, туфлях, астрологии, ремонте. А о чем думают и говорят мужчины? О людях и о причинах каких-либо событий. Не о непослушных соседских детях, а о восстании в другой стране. Не о том, кто разбил сердце, а о том, кто нарушил мирное соглашение. Не о завистницах, а о теориях государственных тайн.

Мы вели исключительно партнерские отношения. Я приезжала к нему домой раз в два дня. В моей же студии он не был ни разу. Его особняк был очень красив снаружи и вместе с тем до ужаса странный внутри.

Начиная с кричащих расцветок и заканчивая прислужгой.

У Османа почти в каждой комнате было по канарейке или попугаю. В гостиной перед камином часто можно было увидеть разложившихся трех французских бульдогов – двух мальчиков и одну девочку. Также в прихожей стояла клетка с маленькой обезьянкой, которую два раза в день выгуливали на поводке из страз. Я так и не поняла, какие чувства испытывала к этому: то умиление, то жалость, то, почему-то, стыд. «Изюминкой», если можно так выразиться, среди обитателей этого дома была карлица Джоти. Однажды охранник, приставленный к Осману, сказал, что это умственно отсталая сестра Османа. Потом он сделал паузу и уже со страхом в глазах попросил ничего не спрашивать об этом у «хозяйна», тем самым не выдавая его. Все стены дома были увешаны картинами красавиц и животных, некоторые из которых были порнографического характера.

Весь этот дом был невероятно странным, местами даже неприятным. Меня пленил в нем лишь один проблеск света – подлинник картины Тициана Вечеллио «Кающаяся Мария Магдалина». Еще секунду назад она была грешницей. Но в данный момент ее тело не создано для привлечения похотливых взглядов. В красном стыде она судорожными движениями рук прикрывает свое тело, сминая податливую под ее силой ткань. Ее слезы указывают на горькое сожаление о злом использовании подаренной Богом красоты. На фоне уже темнеющей синевы неба виден проблеск оранжевых оттенков – это закат, означающий закат ее эпохи в качестве

куртизанки.

«Я околдован твоими любовными чарами и прикован к тебе прочными цепями привязанности, ровно, как и эта обезьянка с ошейником у шеи».

«Что?», – я испугалась от резкого голоса Османа за своей спиной.

«Ну ты же смотришь на эту картину с обезьянкой? Ее рисовали с натуры», – он показал рукой в угол с клеткой.

«О, нет, я наблюдаю за «Магдалиной».

«Ах, Магдалина! Я приобрел ее для плотского созерцания! Только глянь на ее полные прелести, едва прикрытые каскадом шелковистых волос. Прелестная грешница! Написано чудно! Глядя на нее, я буквально осязаю ее животный запах, аромат благовоний в воздухе и чувствую фактуру кожи», – Осман едва ли не зарычал в конце.

«О чем ты говоришь? Эта картина совершенно не о том! Она знает, насколько грешна и теперь раскаивается!»

«Да, сей сладостный грех! У меня подходящая фантазия для того, чтобы в резкой отчетливости представить все ее мыслимые и немыслимые грехи. Как раз один Бог знает что она вытворяла! Обожаю это произведение!», – Осман рассмеялся и тут же схватил меня сзади за талию, прижав бедра к своему возбужденному телу.

Он развернул меня к себе лицом, расположив одно колено между моих ног. Нависая надо мной, он с жаром проговорил мне прямо в ухо: «Я хочу целовать тебя». Его дыхание об-

разовало на моей шее сотни мурашек. В следующую секунду он жадно и бесцеремонно впился губами в мой полуоткрытый рот. Я предприняла слабую попытку оттолкнуть его, нажимая ладонью ему на живот, однако у меня не было сил отвергнуть его напор. Тогда я на секунду отстранила лицо, чтобы сделать глоток воздуха и перевести дух. Он смазанно провел большим пальцем своей красивой руки по моим губам, с упоением рассматривая на моем лице каждый штрих. Моя грудь раскраснелась от нахлынувшей страсти.

«Я никогда не испытывал такого. Ни с кем. За такую страсть я отдам все что угодно».

Его длинные пальцы прошли по ровному овалу моего лица. Он резко приблизился к моим губам, не касаясь их, заставляя страсть распяляться еще больше. Затем резко схватил меня за бедра, поднял и понес в спальню. Не помня себя, я пришла в сознание уже тогда, когда Осман усадил меня на себя. Стало жарко. С губ сорвался стон, который коротким эхом прокатился по всей комнате. По телу прошла волна, когда он бесцеремонно начал исследовать пальцами мое тело. Они мгновенно стали влажными. Затем он развернул меня спиной к себе и нагнул. Его то быстрые и страстные, то медленные и нежные движения заставляли мое тело ныть от удовольствия. Стиснутые на моем горле пальцы сводили с ума остатки моего разума. «Сомкни руки на спине». Я повиновалась, и он накрыл их своей горячей ладонью. «Ты чувствуешь, что происходит между тобой и мной?». В ответ я

смогла только сглотнуть. «Я чувствую», – с этими словами он провел мне рукой от бедер до живота, затем до груди.

«Боже, почему я позволяю ему это?», – на моем лице отразилась блаженная улыбка.

* * *

На следующий же день я пришла к нему на званый завтрак. На нем присутствовала все та же компания – Рене, ее покровитель и несколько друзей Османа.

«Друзья, попрошу немного внимания, пожалуйста», – Осман забил десертной ложкой по стеклу фужера с шампанским.

Во-первых, хочу при всех подарить тебе, Лилит, этот некий атрибут твоей красоты, который также символизирует наши взаимоотношения», – чопорно сказал Осман, вручая мне винтажное зеркало с гравировкой Л. Б. «Во-вторых, объявляю, что мы с тобой уезжаем в Португалию. Я – работать, ты – отдыхать». Все посмеялись и зааплодировали.

Его слова символизировали приказ. Тем самым он последний раз продемонстрировал при всех свою власть надо мной. Для меня, уже успевшей вкусить свободы сначала после ухода из Дома, а потом из отношений с Эдвардом, было странно слышать такой тон в свой адрес. Но я промолчала, потому что без его денег я бы снова оказалась без пристанища. Что касается его подарка – зеркала, для знающих людей бы-

ло очевидно, что он, демонстрируя его при всех, объявляет о нашей интимной связи. Ведь это очевидно, зачем так открыто говорить об этом? Чтобы четко дать всем понять: я – его. И в этот самый момент я осознала, что в руках Османа я не «любимая Лил», а обезьянка в клетке с бриллиантовым ошейником.

Глава четырнадцатая.

Ни суда, ни милости

...люби душу твою и утешай сердце твое и удаляй от себя печаль, ибо печаль многих убила, а пользы в ней нет.

(Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова 30:24)

«Ты настолько бестолковая, что действительно считаешь, что мне нужен ребенок от шлюхи?! Ха, я был о тебе лучшего мнения! Я тебе четко сказал, идиотка, приезжаем, и ты бежишь своими худыми ножками так быстро, как можешь на аборт!».

«А ты явно настолько глуп, что решил, будто мне нужен ребенок от человека, которого я не люблю, не ценю и использую исключительно как кошелек?! Я любила только один раз в жизни, и больше никого не будет!».

В воздухе прозвенел звук пощечины, а потом схваченной со стола скатерти, с которой впоследствии полетела вдребезги вся посуда, а далее удары, крики, и, наконец, вырванный кухонный шкафчик так, что из него полетели все приборы. Звякнул схваченный нож.

«Ты же осознаешь, что я тебя сейчас убью?! Эмир раздробит тебе кости молотком, а Хасан разрежет по частям, чтобы потом скормить собакам в ближайшей подворотне. И те-

бля, шлюху, никто даже искать не станет, потому что всем известно, что ты грязная проститутка, которая даже своей шалаве-мамаше не нужна была. Один надрез – и тебя словно никогда здесь и не существовало вместе с твоим червем, что подцепила от меня твоя мерзкая плоть. А когда с тобой будет кончено, я просто поднимусь в бар, что прямо здесь, на крыше этого же отеля, сниму самую красивую куртизанку в Лиссабоне и трахну ее ровно на этом столе, где сейчас пережду тебе глотку, а потом спокойно лягу спать. Вот настолько мне плевать на тебя».

После этих слов он начал давить на мое горло ножом. Почему только давить, а не разрезать? Потому что я приложила все свои силы в противовес. Я понимала, что, если отпущу, нож вонзится таким образом, что продырявит меня насквозь. Тогда я собралась с силами, проглотила слезы, страх и обиду, и пнула его в пах. От неожиданности рука Османа ослабла, а нож рикошетом прошелся по его щеке. Он отскочил от меня, закричав бранью от боли и гнева на родном турецком. Используя момент, хоть и не до конца веря в успех, я бросилась из номера.

«Боже, что же делать дальше? Он же сейчас пустит всю охрану на меня. Не знаю, насколько распространяется его власть? Во что я ввязалась...».

В голове кричали мысли, а я тем временем снимала туфли, готовясь к длительному и быстрому бегу. Оставив все вещи и имея лишь несколько купюр в бюстгальтере, я оста-

новила такси, приказав водителю ехать в аэропорт. К моему удивлению, слезки я так и не заметила. Несмотря на это, я все равно чувствовала себя беспокойно, оглядываясь каждую секунду и потея от страха.

Буквально через два с половиной часа я уже приземлилась в родном Париже.

«В любом случае скрываться от него здесь – намного лучше, чем среди инакомыслящего народа».

Конечно, в квартиру, снятую Османом, я не поехала. И вообще, сначала я решила не ехать ни в какое замкнутое пространство. Меня охватило очень плохое предчувствие, да и физическое состояние невроза давало о себе знать. Я думала о том, что, видимо, не увижу больше своих вещей и денег, которые я хранила в квартире, да и вообще остро стоял вопрос: «Что делать дальше?». Продолжая испытывать чувство преследования, я то и дело отскакивала от «подозрительных» прохожих. В итоге, чтобы хоть как-то успокоить себя, я остановилась в уличной кофейне. Конечно, расслабиться не получилось, поэтому я просто бесконечно осматривала перспективу улицы.

За соседний столик сел мужчина. Он раскрыл свежую газету. Я невольно повернулась в его сторону, наблюдая за его действиями. Прошла минута, две, но его глаза не двигались. Он, словно застрял на одной строчке. Вдруг он перевел взгляд на меня, а потом куда-то вдаль. Я посмотрела в ту же сторону. Из-за угла вышел мужчина, направляясь к этой са-

мой кофейне. Мой живот скрутило от ужаса, когда я заметила, как один из них кивнул другому. Как ошпаренная, я вско-чила и побежала, куда глаза глядят, не оглядываясь. Скрывшись в арке, я остановилась, чтобы перевести дух. Однако паника накатила с такой силой, что я, не справившись с ней, расплакалась. В контрасте со мной, день был необыкновенно солнечный и теплый. Но я не могла ощутить тепло на коже из-за озноба. Не могла насладиться свежим ветерком. Наконец, выглянув из-за арки, я снова увидела этих двоих мужчин, шедших уже вместе, оглядываясь по сторонам. В памяти всплыло местонахождение мотеля, в котором мне приходилось бывать еще в самом начале своей карьеры. Именно туда я и направилась.

Остаток дня я провела там. Осознав, что у меня не осталось денег, я позвонила со стационарного телефона Мадлен, попросив о встрече и о деньгах. Она настойчиво расспрашивала, что со мной произошло, но я, не обмолвившись ни словом, лишь взяла помятые купюры и попросила ее никому не говорить о том, что мы встречались.

Без сил я брела до мотеля в вечернем полумраке.

«Эй, красотка, не желаешь испытать удовольствие?», – ко мне подошел мужчина в парике, одетый в блестящую юбку и топ с сигаретой в руке.

«Что продаешь?»

«Морфин».

«Столько хватит?», – я показала все что у меня было.

«Даже останется».

Глава пятнадцатая. Лилит

Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем.

(Второе послание к Коринфянам 4:8–9)

Лилит сидела на пыльном узорчатом ковре. В одной руке она держала бокал игристого "Вдова Клико", а пальчиками другой перебирала бахрому на краю ковра, ставшую серой от грязи. Подле нее лежал укол с веществом. Это был морфин.

Разум Лилит окутала беспросветная тишина. Она больше ни о чем не думала, ни о чем не мечтала, ни на что не надеялась. Она проводила последние минуты тишины наедине со своей давней подругой – Госпожой Смертью, которая вот уже год не отпускала мысли Лилит ни на секунду.

Каждое утро Лилит просыпалась, окутанная трепетными объятиями Госпожи С. Ее дурманящий и трепетный шепот требовал одиночества, темноты и антуража, так что Лилит чинно не спешила распахивать в ночи бархатные шторы и впускать во мрак своего будуара ни одну мужскую плоть. Однако нельзя не сказать, иногда Лилит, полная ярости, решительно отказывалась подчиняться Госпоже: она подскакивала с кровати, срывала с петель тяжелые бордовые шторы и бежала к зеркалу. Резко останавливаясь, она со злостью

смотрела в свои полные слез красивые янтарные глаза и шептала: «Ненавижу тебя».

Выдохнув, она подходила к своему дамскому столику, тянула позолоченную ручку шкафчика и доставала оттуда те свечи, которые сегодня приглянулись ее душе. Розовые она использовала, когда хотела напомнить себе, что она – Женщина; медовые, когда думала пройтись по рынку и наладить наконец хозяйство в своей квартире; свечи с ароматом черного мускуса, когда была необходимость настроиться на работу с гостем.

Нет, она не всегда была погружена в сладкую муку экзистенциального мира. Были и солнечные дни, когда неизвестно отчего на нее находила волна благодарности за то, что ее жизнь еще не кончилась.

Были и моменты, когда она, после очередной неудачной попытки самоубийства, ругала себя и плакала от счастья, что сумела выжить. После таких событий порыв к смерти всегда казался ей ошибкой. Она думала о том, сколько еще чудесных событий ждет ее впереди, сколько приятных сюрпризов, прекрасных чувств и незабываемых вкусов она сможет ощутить.

Порывы ее настроения не зависели от событий. В шумной веселой компании дам и джентльменов она вдруг могла почувствовать себя одинокой, а прогуливаясь наедине с собой по вечерней набережной понять, что она наполнена цветущей энергией.

Но сейчас все было иначе. День назад она абсолютно точно поняла, что просто не в состоянии больше идти по жизни с этой могильной плитой на душе. Она уже мертва. А значит, осталось убить только оболочку из плоти. Дух же свой она отдала еще год назад тому мсье.

Почему она выбрала морфий? Почему не холодный ствол или упругую веревку, почему в конце концов не зеркальное лезвие на венах или не романтизированное хождение на дно ласкающей кожу реки? Причины были три.

Во-первых, укол – все же достаточно щадящий метод, а Лилит не из храбрых. Она хотела вдохнуть последние минуты этой гнилой жизни, а не моментально броситься в объятия Аида.

Во-вторых, наркотик – это символично для нее, ведь однажды она уже была там – на самом дне с ума сводящего наслаждения. Она обещала себе больше не открывать эту порочную дверь, но сейчас это было подтверждением ее ничтожности, ее недостойности этой счастливой жизни.

А в-третьих, могилой своей она выбрала крохотный мотель Монпелье, в котором ровно год назад переживала свое самое сильное опустошение – потерю ребенка от того самого Эдварда Стэнсгейта, о которой не знал никто.

В тот вечер она гуляла по грязным улицам Парижа, собственное поместье вызывало у нее отвращение, а прийти без приглашения в семейный очаг мсье было бы нонсенсом и означало окончание ее карьеры куртизанки. Так, с черной

дырой в душе и белым сухим в крови, она и добрела до этого мотеля. И стены его стали для нее убежищем, кровом, разделив с ней боль ее утраты. Подушка благотворно принимала все ее слезы, небрежно скомканное одеяло укутывало ее в свои объятия, а стены отказались стать рикошетом горя, напротив, они мягко впитывали ее отчаяние.

В 01:03 она мягко ввела себе содержимое укола в вену, медленно запив боль красной кровью Иисуса. Она закрыла глаза и стала ждать.

Один год назад стояла необычайно теплая весна. Воздух искрился радостью, а ветер разносил сладкий аромат яблоны и вишни. Лилит обедала в ресторане "Ля тур д'Аржан". Пикантный вкус фирменной утки из этого местечка отлично сочетался со сладостным видом на Нотр-Дам, а дополняли атмосферу лимеренции грубый тембр его голоса и терпкий аромат древесных нот его парфюма. Сквозь открытое окно просачивался легкий ветерок, что развивал каштановые локоны каре, в то время как лучи солнца нежно скользили по бархатной коже. Лилит чувствовала себя абсолютно гармоничной: ей было легко общаться, в кое-то веки она улыбалась мужчине искренне и была тотально уверена в своей привлекательности, которая сочилась изнутри ее духа.

Через неделю, одним из вечеров, они быстрым шагом шли под руку, а Лилит звонко смеялась. Рядом с ним даже нарастающий с каждой секундой ливень не мог испортить ей настроение: он накрыл их обоих своим пиджаком, а аромат

древесных нот от влажности стал еще более насыщенным и притягательным.

Ворвавшись в номер-люкс отеля "Де Крийон", они наконец-то могли выплеснуть свое желание друг в друга. Он уронил Лилит на кровать – в их первой ночи не было нежности, только животный инстинкт и психологическая страсть к владению человеком. Только спустя месяц он будет долгих десять секунд снимать одну бретельку и вдыхать аромат ее локонов, и даже разрешит ей овладеть им и занять главенствующую роль. Ну а пока их поцелуи сочны, резки и опасны укусами до крови. Уже через две минуты ее руки были «связаны» его ладонью и прижаты к изголовью кровати, а номер наполнился громкими стонами. Корсет, игриво подчеркивающий ее декольте своим ажурным кантом, решительно остался на прежнем месте: у них не было даже лишней минуты, чтобы развязывать его шелковые нити. Лунный свет мягко ложился на их возбужденные загорелые тела, играючи переливаясь от быстроты движений их силуэтов.

Однажды утром в дверь квартиры Лилит громко постучали. Это была доставка одной тысячи персиковых роз, символизирующих трепетную нежность к дорогой Лилит, и одной красной розы, ставшей знаком их страсти, с которой все начиналось. Безгранично счастлива и неизмеримо влюблена: она была одержима Стэнсгейтом. Все ее мысли отныне были заняты мечтами о его теплых ладонях и фисташковых глазах. А жизнь ее теперь состояла из двух сменяющих себя со-

бытий: обед в ресторане Парижа рядом с Люксембургским парком и ночь любви в поместье "Ла Ферте".

Надо сказать, что Эдвард действительно умел красиво ухаживать. Неделя за неделей в доме Лилит приживались различные вещицы, а еще много-много денег. Пачками он носил их Лилит со словами: «Купишь все, что пожелаешь, душа моя».

Вопреки предрассудкам, Лилит не была зависима от траты тех денег, что он давал ей. Более того, каждая дорогая покупка давалась ей тяжело. Только если эта вещь не касалась напрямую мсье. Например, она была крайне довольна приобретенным за баснословные деньги платьем, которое родилось на этот свет для единственной роли: быть снятым любимым мужчиной Лилит.

И вот теперь она сидит в эконом-номере на грязном ковре, вкалывая морфин. Слезы из глаз капают на непрезентабельный халат Лилит, она вытирает их рукой, на пальчиках которой красуется кольцо, подаренное им. Ее начинает клонить в сон, сердце замедляет ритм, а во рту появляется до боли ужасная сухость. Жалеет ли она о прошлом? Нет. Но не потому, что повторила бы это вновь, а потому, что ее мысли уже начал окутывать галлюциногенный дурман. Конечно, она всегда мечтала о большой семье – двух сыновьях с темными кудряшками и янтарными глазами, как у нее, и златовласой доченьке с зелеными глазами, как у него. Она была готова всю жизнь быть под его покровительством и делить

его с другой женщиной, ведь она знала бы, что его постель, как и сердце, принадлежит только ей.

«Лилит, прекрати так вести себя. Мне нужно уехать. Работа не поддается слабости. Нет, я не знаю, когда вернусь, да и какая тебе к черту разница, я что, дал тебе мало денег за секс сегодня?». Лилит была настолько ошеломлена этими словами, что следы ее истерики испарились в воздухе, и только соленые слезы остались высыхать на ее щеках. И это после того, как она объявила ему, что беременна.

Он уехал. Обещал не вернуться. И оборвал с ней всякие связи. Он лишь передал ей через своего знакомого стеклянную баночку новомодного лекарства – амфетамина, который в числе своих побочных эффектов имел выкидыш. Ни записки, ни переданных слов. Будто их двоих и не было. Будто не было этих мгновений счастья. Будто не было между ними одного дыхания и сладкого послевкусия.

А дальше: бесконечные и бесполезные метания между докторами и их снотворными по рецептам, и гадалками по руке, между попытками самоубийства и лицемерными улыбками, между гниющей внутри пустотой и исповедью в церкви, в попытках заполнить эту дыру. Вещи, встречи, новые клиенты, деньги, оперы и театральные постановки – ничего не могло помочь ей стать нужной. Нужной, в первую очередь, самой себе. Она вновь и вновь проживала те благие закаты и рассветы и все больше чувствовала свою бесполезность в этой толпе, озабоченной только своим эго. Она была чужа-

ком среди человеческого рода. И все больше она ощущала, как ее воспаленный разум перестал воспринимать свою телесную оболочку, а место ее грешной душе, как она думала, было в аду.

Она закончила свою предсмертную записку последним стихом. К тому времени она уже билась в горячке. Ей было тяжело дышать, а непрекращающееся слюноотделение бесконтрольно капало ей в декольте, стекало по халату и каплями падало на пол. И вот на секунду, на одну, но столь значительную миг, ее глаза расширились, она вдохнула полной грудью и в ее голове пронеслось: «Зачем я так?». И не в силах больше сопротивляться склизкому и горькому поцелую Госпожи Смерти, дух ее покинул тело. Больше ее страдания, которым она, бывало, придавала долю романтизма, не имели смысла. Бывшая королева постели того мсье лежала на грязном ковре, опрокинув голову на пыльную софу, а изо рта ее обильно вытекала белая пена. Грязная, ненужная самой себе Лилит.

А мир тем временем продолжал жить своей обыденной жизнью.

Дом свиданий мадам Тьерри, наверняка, все еще посещали богатые клиенты, которые, получив ответ на вопрос: «Почему нельзя заказать Лилит?», будут отмахиваться со словами: «Жаль. Ну ничего. Кто там у вас еще свободен на сегодня? Кажется, у вас появилась новенькая, брюнетка такая, с родинкой?».

А что касается Эда, то он узнает о смерти Лилит случайно. Пять лет спустя от их общей знакомой, мисс Эмильены – хрупкой блондинки с голубыми глазами, танцовщицы в местном кабаре «Дом Сирен». Месье глубоко выдохнет, цокнет языком и попросит Эмильену налить ему еще виски. Только на этот раз добавить один кубик льда вместо двух, чтобы было крепче.

Тем временем в голове Эмильены пронесется мысль: «Милая Лилит. Ты забыла, что любовь – это то, что дает нам жизнь. А одержимость приносит лишь смерть».

Глава шестандцатая.

Non Je Ne Regrette Rien

*И, если семь раз в день согрешишь против тебя
и семь раз в день обратится, и скажет: каюсь, –
прости ему.*

(Евангелие от Луки 17:3–4)

Первое что услышала – это музыку оркестра. Сначала приглушенные звуки, которые все больше обретали четкость. Я слышала:

«Нет! Я ни о чем не сожалею!

Ни о хорошем, что у меня было, ни о плохом».

Постепенно открыв глаза, я увидела перед собой размытый образ, который показался мне невозможным, но все же я видела то, что видела – передо мной сидел Теодор Бергк. А я все слышала слова:

«За это заплачено, это уничтожено, это забыто.

Я обезумела от прошлого!

Мои печали, мои радости!

Я в них больше не нуждаюсь!»

Тео улыбался мне мягкой доверительной улыбкой.

Немного оглядевшись одними глазами, я поняла, что нахожусь в церкви.

«Потому что моя жизнь, мои радости —
Сегодня все это начинается с тобой!»

Он допел последние строчки.

«Тебе лучше? Как ты себя чувствуешь? Я принесу тебе воды, раз ты уже пришла в себя. Ведь невозможно оставаться на промакивании губ».

Я привстала и жадно начала пить глоток за глотком. Когда я закончила, на моем лице застыло множество незадаанных вопросов.

«Понимаю, ты немного дезориентирована. Так вот, сейчас ты находишься в кабинете папы в нашей церкви. Не бойся, все прислужники уже ушли, я один. Мадлен пришла ко мне на службу, рассказала все что знала, предположила, где тебя можно искать. Не спрашивай, как я вызволил тебя в бессознательном состоянии из этого грязного мотеля. В общем, теперь ты в безопасности. Под строгой конфиденциальностью тебе помог мой знакомый доктор. Он регулярно причащается у меня, так что пришлось на что-то поднажать, где-то проманипулировать, но зато теперь я уверен, что он не скажет никому, что вывел из наркотической комы подружку-куртизанку служителя Бога».

С глазами полными шока, я молча прислонила стакан к

уже успевшими снова засохнуть губам и принялась пить.

«Лилит, не хочу на тебя давить, но тебе нужно исчезнуть из Парижа. Я помогу тебе. Я уже все продумал, пока ты была без сознания. Отныне здесь и на этом поприще тебе дорога заказана. Так что через пять минут ты встаешь, одеваешься в одежду, которую я тебе дам, надеюсь, свечницы не обидятся, я куплю им взамен что-то другое...», – он на несколько секунд задумался. «Мы идем пару кварталов, там есть Пьер. Пьер подпольно женил пары на войне, но навык заполнения фиктивных документов у него все еще остался. Мы расписываемся, чтобы ты взяла мою фамилию, меняем паспорта. А далее выезжаем из города. Ехать будем долго. 160 километров от Парижа. Деревня Бюсси, Бургундия. Лилит, это женский Покровский монастырь. Тебе придется, чтобы замести следы на какое-то время стать послушницей. Далее уже будет твой выбор».

Я немного истерично вздохнула. Мыслей не было никаких. Мы приступили к исполнению плана.

* * *

«Тео, мальчик мой, как давно я тебя не видел! Ну присаживайтесь. Как?..»

«Ее зовут Лилит».

«Лилит, отлично, вижу внутренний огонь в душе Теодора. Я, кстати, умею смотреть вглубь! Так что вижу ауры, хоть это

и не по-католически, да, Тео?», – Пьер засмеялся, «Не буду спрашивать, почему тайно, всякое бывает: родители против, невеста не девственна, муж не богат, правда?», – он снова рассмеялся заразительным приятным смехом.

«У нас все вместе», – отшутилась я.

«Ну главное вы любите друг друга. На остальное плевать, ведь так?».

Мы с Теодором переглянулись, он нервно взял меня за руку. Было странно видеть его таким взволнованным, тогда я погладила его тыльную сторону ладони своим большим пальцем. Он смущенно улыбнулся.

«Итак, не будем тянуть, понимаю, голубкам уже хочется как можно быстрее уединиться», – он в последний раз хохотнул, а в следующую секунду стал серьезным.

«Теодор Бергк, согласен ли ты разделить остаток своей жизни с этой женщиной? Быть с ней в горе и в радости, в богатстве и в бедности, в болезни и в здравии?».

«Согласен, как ни с кем другим», – Тео подавил смешок.

«Согласна ли ты, Лилит...».

«Лилит Буланже».

«Лилит Буланже, согласна ли ты зайти под покров этого мужа, доверять ему, радовать его и любить всем сердцем?».

«Люблю его всем сердцем».

«Скажи, согласна?».

«Я согласна».

«Отлично! Где ваши кольца?».

Теодор схватился за голову.

«Точно! Кольца! У нас, видимо, их нет».

«Тео, какой-то странный ты жених, получается!», Пьер недовольно полез куда-то позади себя.

«Вот! Снял не спрашивайте с кого... Смотрите, какие красивые. С гравировкой! Вам повезло!».

На кольцах с внутренней стороны красовалась надпись: «Вместе навсегда».

Мы обменялись кольцами.

«Теперь же скрепите свой союз поцелуем!».

Мы смущенно посмотрели друг на друга. Было неловко делать это при чужом человеке. Не говоря уже о безрассудности всей сложившейся ситуации. Тем не менее, мы стали медленно приближаться друг к другу, непрерывно смотря в глаза. Его губы накрыли мои. Мне захотелось дотронуться до его щеки, но, вдруг, моя рука соприкоснулась с его. Он пытался совершить то же самое действие. Тогда он накрыл своей горячей ладонью мою, прислоняя к моему лицу. Я ощутила, как по моей щеке стекают слезы. Моя душа трепетала от столь чистого поцелуя, а сердце выстукивало бешенный ритм от настоящей любви к Теодору. Я начала осознавать, как много для меня делал этот человек. Его не нужно было ни о чем просить, он делал это просто, потому что любил меня. Он хранил эту любовь с нашей первой встречи. Когда мы закончили, Тео был весь мокрый от моих слез. Напоследок он поцеловал меня в слезящиеся глаза, а потом в макушку.

«Дети мои, вы можете подождать снаружи, пока я приступлю к формальной части сего романтического действия».

Вы вышли и присели на бордюр.

«Ты как?»

«В порядке. Что дальше?»

«Дальше мы садимся в мою машину и едем до деревни. Ты можешь поспать это время, твое состояние все еще оставляет желать лучшего. Я не стану тебя осуждать, хоть то что ты сделала – это попытка нарушения первой же заповеди – «не убий».

«Я никого не убивала».

«Себя, Лил. Ты попыталась убить себя. Не ты дала эту жизнь и не тебе решать, когда уходить».

«А кому решать?».

«Времени и пространству. Почему ты так смотришь на меня?»

Я не могла убрать с лица умилительную улыбку:

«Потому что ты первый человек с моего рождения, кому я действительно необходима».

«Как воздух», – Теодор понурил голову, а потом потянулся к моей руке. Наши пальцы переплелись.

«Я обещаю тебе, когда все это кончится я стану твоей женой по-настоящему».

Мы рассмеялись.

«Я бы пошутил, что я не предлагал, но... Лилит, ты самое прекрасное создание из всех, что я встречал. Надеюсь, мы не

из тех пар, которым «так и не суждено быть вместе». Хотя на нашем пути действительно много сложностей. Ты красивая душа. Нежная, добрая, искренняя. Горящий огонь, освещающий пути всех, кто познакомится с тобой. Жаль, не все смогли оценить это. Гори и не гасни, Лилит. Никогда не гасни, что бы не случилось», – он сжал мою руки еще сильнее, а на мои глаза снова навернулись слезы.

«Ну что, все готово», – Пьер протянул нам паспорта, ода-ривая добродушной улыбкой.

«Спасибо, друг. Ты нам очень помог».

«Удачного пути, ребята. Берегите друг друга».

Мы сели в машину, Теодор завел мотор, и мы двинулись в том направлении, которое знал только он. Навстречу освобождению, обновлению, навстречу Богу. Я подставила лицо под закатные лучи, теплый ветер и улыбнулась. Теодор заметил это и не смог удержать улыбку в ответ. Прикрывая глаза от наслаждения, я рассуждала о том, как это безумно – ощущать столь поглощающее счастье сейчас. А быть может это просто агония перед тем, что еще не наступило? Ответа не было.

Глава семнадцатая. Ад

*Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся
во Христа Иисуса, в смерть Его крестились?
(Послание к Римлянам 6:3–5)*

Поездка прошла или в разговорах, или в безмолвных размышлениях, или в кошмарных сновидениях. Спустя три часа пути мы оказались в Бургундии. За окном царил тьма, и лишь луна служила нам ориентиром. Я проснулась от того, что Теодор энергично тряс меня за плечо.

«Лил, мы почти на месте, только нас кто-то преследует».

Сон сняло, как рукой. Я вскочила на месте и посмотрела в окно заднего вида.

«Что им от нас нужно?!» – машина ехала почти вплотную, и было очевидно, что они не просто «случайно оказались на той же дороге».

«Я остановлюсь, так продолжаться не может. Сначала они просто ехали за нами, но теперь... Это уже слишком. Что дальше, подрежут?».

«Боже, Тео, мы почти доехали, не нужно этого делать!», – мои глаза округлились от страха.

«Слушай внимательно. Я остановлюсь и выйду. До монастыря буквально метров пятьсот отсюда вон по той дороге».

«Я не понимаю, зачем ты это делаешь? Что с тобой случись, я даже водить не умею».

«Если я не остановлюсь, а продолжу ехать до монастыря, они все узнают, а значит усилия были напрасны. Не бойся».

С этими словами он прижался к обочине. Я нервно поправила платье, в ушах бешено выстукивало с придыханием мое больное от нескончаемого стресса сердце.

Машина также припарковалась, но вышли из нее не сразу.

«Тео, может это просто грабители? Давай поедem дальше», – умоляюще на него смотрела я. Он же молчал.

Неожиданно в стекло раздался стук, мы одновременно дернулись от испуга.

«Доброй ночи! Я вас обоих попрошу выйти из машины».

«Кто вы такие и что вам нужно?»

«Я не рекомендую испытывать мое терпение. Это закономерно, поэтому лучше смириться».

«А если не выйдем?» – тон Теодора сменился на угрожающий.

Мужчина у окна рассмеялся, а через секунду разбил стекло. Я пронзительно закричала. Тот схватил Теодора за ворот, высунув голову в окно.

«Не выйдешь, мои ребята сейчас нагнут твою подружку прямо при тебе».

Теодор, поправив одежду открыл дверь, напоследок бросив мне шепотом: «Сначала под сиденье, потом беги».

Они отошли от машины. Я, обдаваемая потом, неотрывно смотрела в зеркало заднего вида. Позволив на секунду себе оторваться, я решила обшарить глазами машину в поисках

защиты. Быстрыми движениями залезла в бардачок, но там, кроме карманной Библии, ключей и папорта ничего не было. Оглянулась на задние сидения – там пусто.

«Слишком неподготовленная машина для духовника, решившего сойти на криминальный путь!».

Пригнувшись, я полезла смотреть под креслами.

«А это тебе подарочек от Османа!», – в воздухе раздались хлопки, а я тем временем нащупала под ногами револьвер, как и указывал Теодор. Резко поднявшись, я увидела уже двух людей рядом с Тео. Разгорелась драка. Снова хлопок, и вот уже один из них лежит без сознания.

Я помню лишь то, что мои чувства и воспоминания отключились. Я действовала лишь потакая инстинкту самосохранения. Мой страх был настолько сильным, что трансформировался в энергетический тугой шар прямо в моей макушке, что позволило не быть скованной в действиях.

С каменным выражением лица я вышла из машины, громко хлопнув дверью и стала целиться в самого первого мужчину. Ночь наполнилась запахом крови и звуками брани. Они бились не на жизнь, а на смерть. Тем временем мой мозг полностью абстрагировался от рассуждений, которыми я задавалась уже после: «Я же не умею стрелять», «Как не ранить Тео», «Что будет дальше». Пришла в себя лишь тогда, когда увидела, как один из противников хватает пистолет, упавший на землю, и стреляет в Тео. И тогда я тоже выстрелила. Этот момент никогда не исчезнет из моей памяти. Он словно

разлетелся на пиксели и замедлился в десять раз. В это же время обстановка стала невероятно четкой: я могла разглядеть место, где мы находимся, одежду этого человека, лицо Теодора во всех деталях, свои неподвижные руки и их машину с открытыми дверьми.

«Я попала... Теодор, я попала!», – со смехом закричала я, но тут же увидела, что пуля достигла цели не только у меня.

«Нет, нет, нет», – я ринулась к Тео, сорвавшись на колени. Взяла его голову в руки. Его бок пропитался кровью.

«Говори мне что-нибудь», – прошептала я.

«Я хочу слышать твой голос. Я хочу говорить о тебе».

«А я о тебе», – с трудом выдавил Тео.

«Тогда будем говорить о нас?», – я улыбалась сквозь слезы. «Я тебя подниму, ты только помоги мне».

«Лил...».

«Мы дойдем до монастыря, там тебе помогут. Что закатываешь глаза? Не хочешь, лежи здесь, я буду бежать так быстро, как смогу и приведу помощь».

«Лил, у меня в кармане лежит письмо. Передай его мамушке. То что ты явишься в тот же день, когда произошло тройное убийство – подозрительно, согласишься?», – он схватился за бок.

«Но она укроет тебя. Ты переждешь. И все будет хорошо. Ты справишься, я знаю тебя. Хотя бы из благодарности мне ты выживешь, иначе все это было зря».

«Что ты такое говоришь, Тео, это мы выживем, и мы по-

женемся по-настоящему, помнишь?».

«Просто уходи. Ты не успеешь позвать на помощь. Беги, пока не приехало их подкрепление. Наверняка, они прочешут всю Бургундию, но отныне ты в безопасности».

«О чем вы так долго разговаривали?».

«Он сказал тебя предали. Мадлен. За деньги она рассказала, что тебя стоит искать со мной. Как я понял, о Пьере они, слава Богу, ничего не знают».

Я расплакалась. Так надрывно, что из горла вместо мелодичного плача выходил рык.

«Мне надо помолиться».

Я поцеловала его сначала в один глаз. Потом во второй. Потом в щеки. И, наконец, в губы. Встала и начала с медленных шагов, не чувствуя ног. Все мое тело болело, но не физически. Позади меня раздавалось:

«В руке Твоего превеликаго милосердия, о Боже мой, вручаю душу и тело мое, чувства и глаголы моя, дела моя и вся тела и души моя движения».

А потом я сорвалась на бег.

Глава восемнадцатая. Диана

*Укажи мне, Господи, пути Твои и научи меня
стезям Твоим.
(Псалтирь 24:4)*

Стебли увядшего букета камелий обхватили женские, давно увядшие руки. Поток воды хлынул на деревянный пол кельи. Маргарита поморщилась – в нос ударил запах стухшей воды из-под цветов.

Она безжалостно бросила букет в чугунный бак и стряхнула с рук слизь, оставшуюся от стеблей, не скрывая своего отвращения. Подойдя к соседнему баку с мутной водой, онаглянула на свое отражение. Поправила скуфью – шапочку, выпрямила края черного апостольника – платка, и отряхнула рясу – облачение монахинь. Надрывно вздохнула и направилась со двора в зал капитула – место, где совершались службы. Она вошла самая первая, как обычно.

«Какая я ответственная», – пронеслось в голове у Маргариты.

Когда утренняя служба закончилась, настоятельница произнесла уже набившие оскомину слова:

«Итак, сестры, если кому-то есть, что сказать, пусть говорит».

Монахини честно и открыто говорили о тех грехах, которые заметили за собой в течение дня. Маргарита не вслуши-

валась. Мимо нее проносились лишь обрывки фраз:

«Я согрешила, сестра...».

«Мы прощаем тебе этот грех, сегодня дольше обычного поработаешь в саду».

Казалось, фантазии настоятельницы храма не было конца. Она могла бесконечно выдумывать наказания монашкам, так ни разу и не повторяясь – неделя за неделей.

«Сестра Маргарита, тебе есть что сказать?», – спросила настоятельница.

* * *

Прохладный ветер заставил женщину поежиться. Постепенно на синем небе стали появляться яркие звезды.

«Сестра!», – Маргарита вздрогнула и поспешно обернулась: это сестра Диана быстрым шагом, чуть ковыляя шла к ней.

«Вы меня напугали», – ответила Маргарита.

«Поговорите со мной, что-то грусть нашла».

«Прогуляемся к полям?».

«С удовольствием».

Взявшись под руки, они вышли за пределы монастыря.

«Знаете, когда я встречала свой первый рассвет здесь я была так поражена. Этот вид вдруг сжал до ничтожных размеров Париж. Как же здесь было необычно красиво. Впрочем, как и сейчас».

Диана пошатнулась, посмотрев на открывшуюся долину. Замерла, даже задержав дыхание.

«Либо я проклята, либо меня осенила редкая благодать».

Маргарита лишь засмеялась в ответ на этот монолог.

«Ты делаешь большие успехи и в запоминании молитв, и в истории православия».

«А еще меня любит настоятельница, и вообще я здесь всем нравлюсь!», – Диана хихикнула, что заставило Маргариту вновь улыбнуться.

«Берешься за любую пыльную работу, усердно молишься...», – Маргарита продолжила перечислять ее заслуги.

«Просто я пытаюсь забыть. Забыть свою прошлую жизнь. Отмолить свои грехи».

«И как? Получается?».

Диана с улыбкой на лице промолчала.

«Ты ведь здесь уже сколько? Три месяца?»

«Да, три с половиной».

«Помню, как ты пришла ночью. Мы все перепугались. Вся в крови, пыльная, заплаканная. Еле дышала от бега».

Лицо Дианы вдруг помрачнело.

«Помню, конечно. Или это был риторический вопрос?», – она толкнула Маргариту в бок. «Наконец-то, полиция нас оставила. И не только полиция. Кажется, можно вздохнуть спокойно и просто плыть по течению, не думая о завтрашнем дне».

«А это правильно. За тебя подумает Господь, ты главное

живи по закону и молись беспрестанно. Тогда будет и не о чем беспокоиться».

Они прошли еще немного и остановились передохнуть.

«Диана, я с тобой поговорить хотела. Скоро привезут к нам девочек-сирот на обучение. Только ты не ругайся сразу... Что думаешь о том, чтобы ты обучила их своему мастерству?».

Спокойные глаза Дианы расширились от ужаса:

«Ты что!»

«А что? У девочек будет шанс увидеть жизнь! А за бетонными стенами храма, знаешь ли, мало чего разглядеть можно! Им же всего по 11–12, а им уже навязывают взять обет! У тебя была такая жизнь! Тебе была дана свобода, Лилит, тебе не понять».

Диана в страхе оглянулась по сторонам и заговорщически заговорила:

«Ты просто ничего не понимаешь! Судьба самых известных нимф, что называли сладостными Венерами одна: их физически или морально уродует ревнивый, деспотичный, аморальный любовник и больше, никому не нужной, она умирает в нищете и одиночестве. Моя клетка была просторнее твоей, но это все же клетка».

Маргарита уставилась на нее, прищутив глаза:

«Ты зря ожидаешь от меня понимания и сочувствия. Тебя точно не ждет та судьба, о которой ты говоришь, даже если ты снова вернешься в профессию. Вот только я не наставляю

тебя соблазнять, я прошу учить искусству соблазнения. Знаешь каждой из этих девочек предстоит или остаться здесь в монастыре, не познав ни одной радости жизни, или выйти замуж за мужчину, чья страна победит в войне. Она родит детей, храня честь семьи, проведет молодость за вышиванием, кленя весь мир за то, что родилась девочкой, а когда придет время умирать она спросит: «Зачем было соблюдать все правила, если муки адские наверняка не могут быть ужаснее, чем эта никчемная жизнь».

Диана еще пару секунд смотрела на Маргариту теми же глазами, не верящими в происходящее, а потом разразилась смехом:

«Боже, прости Господи за упоминание Тебя в суе, но как же ты сказала эту последнюю фразу! Как там? Муки адские ужаснее этой жизни?».

«Я сказала: если муки адские наверняка не могут быть ужаснее, чем эта никчемная жизнь», – улыбаясь во весь рот проговорила Маргарита наставляющим тоном.

«Ох, я запишу это у себя в дневнике», – вытирая слезы сказала Диана.

«С такой фразочкой спрячь его далеко-далеко! И не дай Господь тебе подписать автора сей цитаты!».

По полю снова прокатился громогласный смех двух подруг».

Глава девятнадцатая. Семья

*Они же сказали: веруй в Господа Иисуса Христа,
и спасешься ты и весь дом твой.
(Деяния святых апостолов 16:31)*

«Все. Теперь ложитесь спать, завтра вставать рано на работу. Ваш отец будет вести».

«Мамочка, твоя жизнь была похожа на сказку! Не значит, что она такая же прекрасная, но значит, она такая же извилистая!».

Я рассмеялась.

«Дети, забираю у вас маму, выключаю свет! До завтра!».

Теодор, осторожно взял меня за руку и повел в нашу спальню.

«Тео, ты очень жесток. Они просто хотели подольше побыть со мной».

«Я не жесток, но эгоистичен, Лил, я тоже очень хочу побыть с тобой подольше».

Я рассмеялась от его внезапной щекотки.

«Боже, вспомнила весь этот ужас, у меня самой мороз по коже. Как только мы все это пережили, удивляюсь».

«Да уж», – Теодор улегся в постель поудобнее, хватаясь за уже навсегда больной бок, словно вспоминая ночь перестрелки и, вместе с тем, раскрывая свои объятия для своей жены – меня.

Вдруг дверь в спальню приоткрылась, откуда показались две головки: мальчишья – пониже и девчачья – повыше.

«Мам, а чем кончилось то?».

«Ну как, чем?», – я, издав вздох, присела, медленно обернувшись одеялом прямо с головой.

«Ваш папа оказался жив. Протянул до рассвета, а там уже приехала полиция, ведь его заметили местные – окровавленного и беспомощного».

Я умолчала о том, что наши преследователи были убиты. Соответственно, некому было передавать информацию обо мне или о Теодоре. Мадлен вскоре после того исчезла. Последний раз ее видели выбегающей почти голой из мастерской популярного художника-натурщика Луи Дюбуа. Говорят, что-то случилось, после чего она завязала.

«Он приехал за мной через два года. Забрал меня из монастыря».

«Папа, отчего так долго?!».

Он ждал, когда все точно уляжется. Чтобы ни меня, ни его не искали. Чтобы нити моей нервной системы укрепились. Чтобы я смогла пожить где-то вдали от калейдоскопа рая и ада, что вымотал меня, перемолол и выплюнул.

Оставив без ответа вопрос: «Мы поженились. Я официально стала матушкой. А уже через девять месяцев родилась ты», – я указала на свою любимую дочку.

«Ну точно сказка!», – с хитрой улыбкой проговорил сын. Все рассмеялись.

Я смотрела на своих детей и думала о том, что нет ничего чудеснее собственного спасения. Траур, который каждый из нас в определенный момент носит в своей душе не должен иметь возможность сеять зерна страха, не должен иметь возможность парализовать все аспекты жизни. Когда-то, будучи спасенной я прожила самый сложный отрезок моего времени вопреки трауру. Внутри лилась кровь моего невинного сердца, но, когда рана образовалась коркой, я не дала ему зачерстветь. Не дала унынию погасить себя. Выживет не сильнейший, выживет адаптивный. Я спасала себя, пока могла и вдохновляла других своим примером. Не требовала от себя больше, чем могла. Тратила и потребляла энергию, балансируя.

Несомненно, те события не выжечь из памяти никогда. Все потери, весь ужас, но и всю свою силу, всю свою мудрость, будучи такой юной и незащищенной.

Я уже давно отказалась от понятия «дом». Я ношу его, будто на себе. Пока со мной мои дети и муж – я дома. Но, если их однажды не станет раньше меня, то я тоже буду дома. Ведь у меня есть мой внутренний храм, а в нем – Бог.

Думала также о том, какое же сильное создание – Женщина. Женщина всегда будет вписывать свое имя в историю мира, в историю своих мужчин, в свою личную историю. Как бы Ей не было плохо, она танцует, крича от боли, красит волосы под песни о любви, поливает цветы, несмотря на плохую погоду, творит, играет, пробиваясь через мрак, в попытках

вернуть свой законный внутренний порядок. По истине имя Женщины бессмертно.

Меня отвлек нежный голосок:

«Мамочка, если твоя жизнь – сказка, может и другие сказки на самом деле из реальной жизни?».

«Милая, может ты и права. Что, если книга – это один из существующих миров? Как и наш. Мы закрыли книгу, но жизнь наших любимых персонажей продолжается. А они даже не знают, что являются для кого-то лишь строчками на шершавых страницах».

Эта ночь была наполнена потрясающим умиротворением.

СТИХИ

Мой дом

Если ты – дом мой, то от вьюги укрой,
Согрей же теплом огня.

Пусть в окна стучится снег и мороз,
Но беда обойдет навсегда.

В груди твоей, в сердце, пускай никогда
Не сдуют ветра любовь.

Пообещай, милый, мне навсегда
На нашем пути быть звездой.

Пусть свет твой всегда освещает дорогу,
А руки в замке тугом будем держать.

И сквозь года мы сумеем пройти,
И красный рассвет вновь встречать.

Другая

Скороспешно прикрывая рану,
Не сокрыть мне ауру тоски.
Через маску не видны всем слезы,
Превосходно:
не ужалят злые языки.

Круг сомкнулся, мы стоим не вместе,
Но я чувствую душой – то не отнять,
Как сквозь дым сигары, смех и жесты
Ты пытаешься мой взгляд поймать.

Выжгу я цвет глаз из памяти.
Позабуду вкус твоих обид.
Поклянусь я никогда тебя
Не увидеть в светлых снах своих.

Лишь украдкой, на секундочку,
На одно мгновенье лишь
Отведу я Богу душеньку:
Я взгляну, как ты с другой стоишь.

Доверяю я себе без совести.
Сдует пусть любовь мою и боль.
Я к себе с заботой, без жестокости,
Чтобы рану залечить собой.

Приворотное зелье

Я ночью совершила грех.
Мой свет души померк, утих.
Когда я снова захотела Вас
На белых простынях своих.

Я начертила адов круг,
Чтоб из него Вы не ушли.
Присыпала землей могил,
Чтоб роз шипы в Вас расцвели.

Разрезала ножом ладонь,
Чтоб кровь лилась на Ваше фото.
Полился шепот с черных гор.
Взяла я стебель мандрагоры.

Окутан тьмой, разум в тиски,
А сердце – мой десерт.
Чтоб не была наша постель
Отныне «адюльтер».

Мухибби

Ты имя мое, душа – твоя суть.
Начало всего, дай твой запах вдохнуть.

Ты смысл Вселенной, мой друг сокровенный,
Мой райский венок, ты жизни цветок.

Мое единение и моя сила,
Весна моя, радость, земель всех краса.

Ты – торжество. Ты мною любима.
Что путь освещает сквозь мглу ты звезда.

Беспечный поток, очаг моей спальни.
Весь мир поклонился одной лишь тебе.

Ты моя боль, но ты моя сладость.
Мой демон, горю от тебя я в огне.

Безумие разума. Чистое сердце.
Ты помощь и похвала.

Моя ты надежда, моя драгоценность.
В груди твоей роза цвела.

Ты музыки ноты, ты лучик рассветный,

Пьянящий глоток ты вина.

Моя очевидность, моя ты погибель,
Жестокость, власть, сила, два белых крыла.

Сумасшествие

А может быть ты есть всего лишь заблужденье,
Что гложет уж давно мой мозг?
Скажи мне, кто ты? Отравы ли забвенья,
Пусть так! Тебя я восхваляю и не отступлю!

Я говорю себе: не верь ей!
В прекрасной лжи хоть сладко, но смертельно.
И все равно иду за ней, ведомый Велиалом.
О Господи прости, я согрешил,
Сей аромат оазиса послужит мне кошмаром!

Она прекрасна, властна и глубока,
Она – волнующий дурман.
Ее глаза с влекущей поволокой
Меня, в конце концов, свели с ума.

Он

В том как струится ткань по мышцам его тела,
В том, как скользят его шаги,
Я нахожу следы кошачьих предков,
А как все знают – их не приручить.

Янтарь миндальных глаз его, отнюдь не согревает,
Он бирюза пустынь, безмолвие песков.
Его величье ледяное завлекает,
Зовет вглубь мертвых и бесчувственных миров.

В нем жизни нет, но то к нему и манит.
Горит он пусть холодной звездой.
Но от него кровь в венах застывает
И без остатка хочется принадлежать ему.

Аристократка

Аристократка, она в мелочах.
Прикрывает слезы вуалью.
Убирает с лица она страх,
Наполняет речи моралью.

Даже в темные времена
Ты узнаешь ее в деталях.
Нарочито в одеждах скромна,
Черный – классика, вровень печалям.

Лишь одно ее выдает:
По ночам, когда смотрит на фото,
В уголке что стоит над столом.
Там мужчина смеется задорно.

Ни за что его не предаст,
И уже стремясь по вокзалу,
Оглянется быстро назад,
И кивнет столице «прощальный».

Пробегаёт в окнах пейзаж,
Скоро встретит в своих он объятьях.
Не сыскать им дороги назад,
От войны убежали на счастье.

Принадлежу

Порвала нити меж двух граней:
Едины Odium с Amagi.
Мне без него от сих вовеки
Покрылся мраком день великий.
А свет луны в ночи теперь
Сжирал мне сердце, будто зверь.
Желай моей душе одно:
Принадлежать тебе дано.
Всецело выбирай – твоя я.
Кто мне враги, а кто князья,
Что мне надеть, а что вкусить,
Когда тебя боготворить.
Ты вынь мне сердце, выбей душу.
Твоим желаньям я послушна.
Прощу удар, приму другой.
Хочу вовеки быть с тобой.
И, если будут презирать, скажу
«Любима я. Вам не понять»,
Никто не дорожил так прежде,
«Никто-й не будет», – ты ответишь.
Ничуть не жаль, любовь моя.
Стерплю я боль ради тебя.
Задам один вопрос, что жжется:
«Создатель, нить не оборвется?
Нас все невзгоды обойдут?».

И шепот свыше слышен вдруг:
«Друг друга заживо сожгут».

Непорочная

Коль горько пить, то стану я вином.
Коль душит гнев, то я твоя прохлада.
Жизнь уколола дух веретеном?
Я – чаша, влей сего мне яда.
Запретного плода вкусил?
Я на себя возьму вину пред Богом.
Кругом лишь грязь и омут, нет уж сил?
Предстану благостным мороком.
Коль свет души давно не согревает
Я разожгу кругом мосты.
Коль дурят по ночам воспоминанья,
Я крикну во тьме до хрипоты.
А, если ты однажды перестанешь
Закутывать меня в свой милый взгляд,
Конечно, больше рядом не застанешь,
Исчезну, словно не было меня.

Разрешите?

Разрешите вас обожать?
Разрешите собой восхищаться?
Терпкий голос микстурой принять,
Потерять навсегда опасаться.

Разрешите боготворить?
Написать вас вместо иконы.
Разрешите мне ради вас жить
И пасть смертью храбрых позвольте.

Разрешите носить вас в душе?
Наносить вас по капле на кожу?
Посадить вас внутри, в глубине
И вдыхать вас огромными легкими.

Разрешите на вас лишь смотреть
По утрам, еще в полудреме.
Я вас буду очень любить.
Вы, кивнув, улыбнетесь мне скромно.

Всё, кроме Бога в нас

Все, кроме Бога в нас, когда мой взгляд обрел
хмельное забытьё в твоих глазах.

Сорвались голос, платье. В омут
Мы провалились с головой в тот час.

Все, кроме Бога в нас, когда кусаю жадно губы,
Не насыщаясь потом, кровью с глаз.

Сжимаю с силой кожу, томно
шепчу «моя» в который раз.

Все, кроме Бога в нас, когда украдкой на застолье
Моя ладонь, твое бедро

Сливаются в единый сгусток,
Накаливая с жаром все нутро.

Все, кроме Бога в нас – мы демоны, мы черти с
преисподни.

На арфе сей любви не прозвучит шедевр.
Ведь струны той злосчастной арфы лишь пригодны
Для звуков какофонии из недр.

Все, кроме Бога, думают другие.
Но ты, мой ангел, продолжай играть.
И, проходясь по струнам своей кожей,
Не смей ты мою душу отпускать.

Theogn

Я – как свеча у алтаря:
Мне загореться в мраке ночи.
Но днем свободна от огня.
Он всей меня лишен нарочно.

Я – как твой друг, что нужен очень,
Когда дарю всего себя.
А, если слезы лью порочно,
Несчастный сам – не нужен я.

Я – словно, светлая луна,
Меня не ждет никто на утро.
Я – словно солнце: не нужна,
Если во мраке все потухло.

И я – как кошка, что ласкают,
Когда без дел с ногами в ложе.
И отгоняют, если я
Потрусь сама о вашу кожу.

Я – словно бедность: гонят прочь
Пирующие на застолье.
Но я вернусь, вернусь на утро,
Где мышь бежала, меня вспомнят.

Ты днем идешь под руку с дамой,
Совсем не смотришь на меня.
Но вот закат и в будуаре
Ты снова мой, а я – твоя.

Я ускользну от нелюбимых,
От тех, что греют меня льдом.
И упорхну в объятия милых,
Я от их ласк всплакну тайком.

Быть женщиной

Быть женщиной не из мужского ребра,
Не из бантиков, одуванчиков и розовых бра,
Не из осколков сердца и рваного крыла,
А из «Волос святой Вероники» серебра.

Таким не стирают улыбку, словно чернила лезвием.
Не выбрасывают из жизни, как скомканный лист с
буквами нетрезвыми.

Таких нарекут победоносным известием,
Потрясающе поразительным Иисуса пришествием.

Ради нас пренебрегут всеми взятыми правилами,
Прослывят в толпе бессердечно на любовь
обокраденными.

Ради этих глаз, что дьявольским перцем приправлены
Весь мир перевернут, оставшийся во внимании.

Мы из шантажа, всей дряни и сучьего саботажа.
Мы в черные шляпы, перья и голые декольте
разукрашены.

Цыганской душе бродяжьей нет лучше сладкой крови
влюбленного пажа.

Мы – в зное дикости, в леденящих мурашках.

Я облачусь на сто лет в иллюзорный образ, что гуляет в

твоей голове.

Ты с разбегу в пропасть в огне, в омут тяжелой воды в озорстве.

Дам колосков вдохнуть, затерявшихся в сон-траве.

Ты с другой, но еще все в моем колдовстве.

Я ведаю тайну – что значит «женщина».

Чем измеряется и к чему привержена.

С кем ограничена, на ком помешана.

Как развлекается, с кем перемешана.

Где исключения, где просто правила.

Сражается женщина, что звездам представлена.

Она обескровлена, она обезглавлена.

Ее «Вероника» во веки прославила.

Париж

Блаженна грешная столица.
Сверкают фары, женский смех.
Меха, шелка на светской львице,
Что раздает себя для всех.

Бродяги, жадно присосавшись,
К бутылке сладкого вина.
За три копейки передравшись,
Вдруг пожелают мне добра.

Чем пахнет ночь у нас в столице?
Столь скверным нынче табаком.
Парфюмом жигало. Девице
Под юбку лезет он тайком.

Из ярких окон черным тени.
И струйка дыма сигарет.
Один из них что проповедник.
Другой, клянясь, дает обет.

Одна лишь кошка с подворотни
Без лжи окончит этот день.
Что Бог подаст – ей все пригодно.
Уснет под оперу «Кармен».

Ушедшим

Уймись, оплаканных не ждут.
Не чокаясь, им посвящают тосты.
И по ночам от боли слезы льют,
А те все просят их во сне забросить.

Оплаканным во храме ставят свечи.
Читают им за упокой канон.
Жалеют все себя по-человечьи.
И просят смерть оставить на потом.

И уходя от каменных надгробий,
Не оборачивай свои глаза назад.
Ведь позовут они тебя в Загробье,
А не успеешь отвести ты взгляд.

Слепая боль утраты растекаясь,
Затопит всех, кто не лелеет жизнь.
Оплаканных не ждут. Покайся,
Чтобы тобой кто также дорожил.

Свадебная клятва

Клянусь любить всех тех, которыми ты станешь.
Заботой полный, не сводить свой взгляд.
Не разжимать ладонь, когда ты вдруг устанешь,
Держать мою. Нас ангелы хранят.

Клянусь я молча просто идти рядом,
Не поворачиваясь на секунду вспять.
Стать для тебя лучом за небесами,
Чтобы Дорогу Жизни мягко освещать.

Клянусь дарить тебе всю нежность.
Не обделять улыбкой, шуткой, остротой.
Быть для тебя единственной надеждой.
Когда все сложно, сразу стать простой.

Клянусь, молиться ежечасно благодати,
Что разольется в нашем доме на Земле.
И где бы мы не оказались, в моей власти
Стать для тебя мне очагом и в феврале.

Клянусь закрыть крылами наших деток,
Что нам подарят в верность за любовь.
Растить в тепле и защищать их слепо,
Наполнить счастьем звон их голосов.

Клянусь, что, если буря, встать с тобою,
Держа вдвоем большой штурвал Судьбы.
Вверяю всю себя тебе, любимый.
Пусть освятят Путь нам маяка огни.

Клянусь, в дождливый полдень и в июнь горячий,
В заснеженный и долгожданный Новый год,
Быть рядом и любить так по-девчачьи!
Да сбудется! Аминь. Во век веков.

На сцене

Перед его лицом, как пред иконами стою.
Целую руки. О любви его молю.

«Ты знаешь, мое сердце лишь твое».
(Стекают слезы, достаю ружье).

«Мой грех имеет свою прелесть», – говорю.
«Любовь сам Дьявол уважает». (Закурю).

«Она меня прожгла насквозь. Как сигарета,
Что для курящего горит и ждет ответа.

В ответ он умирает от ее огня, спустя года.
Что, спросишь, здесь прекрасного тогда?»

Пройдусь вокруг него, за спину встав.
Он бросится к двери стремглав.

«Хочу, чтоб за мою любовь ты умирал.
Со мной лишь одним воздухом дышал.

Умри, если меня не любишь, мой родной.
И да предстанешь перед Богом ты душой».

Щелчок, гром, дым, паденье тела.

Я подхожу, спускаюсь на колени.

«Как без тебя прожить мне, мой родной?
Клянусь быть связанной с твоей душой».

Щелчок, гром, дым, паденье тела.
С дырой внутри ушла из жизни смело.

Прошлое

Ну вот мы и встретились, нежный мой, милый.
Не жаль, что не мой. Я сама не своя.
Как жаль: мои чувства все еще живы.
К тебе ли? Иль к прошлому, где мы семья?

Мы повстречались на мокрой дорожке.
Пустынной, туманной, вроде бы в полдень.
Едва не прошли мы ладошка к ладошке,
Остановились мы вровень, но порознь.

Ни слова, ни звука, я точно немая.
А ты лишь короткое: «Здравствуй».
Смятением сжираемая и красной краской,
Пошла вдаль. Куда – я не знаю.

Мне нужно идти, но безумство кричит:
«Останься, побудьте немного».
Но шла я сквозь слезы, не обернувшись.
Едва разглядела дорогу.

Север

Ах этот ароматный душный вечер!
Сквозь запах мускуса и тень сирени,
Внутри зашлось надрывно мое сердце
И не глазами я тебя вдруг разглядела.

Мы проливали дорогие вина, пела арфа.
Глаза с прищуром не познали скуки.
О как же было мне приятно
В бриллиантах подавать Вам руки.

Ваш шарм велик, но мои чары больше.
Весь эротизм и романтизм я из себя.
И вот в процессе разговора вдруг по взгляду знали:
В ту ночь тебе и мне не избежать греха.

Пленила я в тот вечер многих,
Но отдалась, конечно же, тебе.
И проходясь по шраму горьким ромом,
Я заливала рану одиночки на тебе.

Из жизни

«Я к тебе не приеду, не жди...»,
– снова я в письме прочитаю.
«Мне дорогу размыли дожди.
И вообще, в другой раз, обещаю».

Прочитав дважды строчку за строчкой,
Отложу я бумагу в сторонку.
«Никогда не поставлю я точку»,
– обреченно смотрю на иконку.

«Ты не жди меня, слушай, я занят.
И не стоит писать мне так часто»,
– снова грудь, как ножом мою ранит.
Я шепчу в голове себе: «Баста!».

«Эй, ну что ты разнылась!
Прекрати свои скорбные письма!
Честно, с глаз моих ты бы скрылась.
Мне не чувства, а эмфемизмы».

День и ночь. Все, как одно.
Без секунд и часов промелькает.
Вроде не изменилось ничто.
Только я теперь, словно другая.

Поднимаю тяжелую голову
И встаю я с полов во весь рост.
Неопрятное нынче здесь логово,
А когда-то здесь целый сад рос.

Вытираю слезы засохшие,
И одежду пора уж сменить.
Собираю я чувства издохшие,
Чтобы заново счастливо жить.

Вновь открою конвертик я с буквами.
Там ненужное ныне письмо:
«Не люблю я тебя, ну пойми меня.
Перестань убиваться давно».

Разорвала листочки на клочья я.
И сожгла, пустив пепел по ветру.
Не нужны больше строчки неровные
От руки и от сердца неверных.

Распрямилась. И лучики солнца
Проскользили теплом мне по телу.
«Наконец-то, я снова все чувствую,
Как тебе благодарна – Вселенная».

Одержимость

Я тебя увидела сердцем.
Не глазами и не по слухам.
Я тебя разглядела за дверцей,
Состоящих из дивных осколков.

Я весь мир для себя поделила
На две неравные части:
Ты и все остальные,
Что не являлись тобой, по несчастью.

Думалось, от любви я привита.
Но потом заболела я им.
Бессимптомно, однако, ответно
Перед взором тонула мужским.

Ты слышал? Дом – там, где сердце.
Надо же, ты – теперь дом.
Мне в руках твоих лишь бы погреться.
Развернувшись к тебе лицом.

И, если сойдет поезд с рельсов,
И сгинет вдруг наша любовь,
Сожалению нет внутри места,
Раз счастливы были с тобой.

Сама своя

Меня губили, мной играли в игры.
Меня хотели, как костюм купить.
Но я вселенским светом выбрана.
Меня не властно никому судить.

Другим дает советы Дьявол
И поклоняются они пустой земле.
Меня ведет за руки Ангел.
И никому меня уже не приручить.

О мне найдете символы и рифмы,
В тонах мелодии минорный след.
В моей породе мистика и глиттер
И крепнет сила духа, вопреки.

Коль ты со мною дружен, я открою
Замки стальных дверей, секретов сад.
Я покажу что шик и фарс такое
И верность в вечность подарю для вас.

Со мною «настоящее» – лекарство,
Но вдруг, несчастный «друг» меня предаст...
Лишу я праздника, дойду до пика,
Заставлю я всю жизнь страдать.

Пойдешь против меня с мечами,
Моментом из колоды – смерть.
Проигран и наказан от отчаяния,
А я пойду молитвы петь.

Огонь души

Я в себя запустила ветер промозглый,
Он тоскою завоюет в глубинах дыры.
Я ее не заполню, и тоску я не брошу,
Так уютна холодность мне этой тропы.

Лик покрыл синий иней, в глазах Антарктида.
Не заселятся больше просторы галактик.
Всем дорогу закрыла. Никого не простила.
Напускная морозность, а в душе сотни Африк.

И ничто неизменно: сотни раз обожгусь.
Залечу, и, как раньше – гореть.
Нет, не глупость, а жизнь, позовут – отзовусь.
Догорать, чтобы не отсыреть.

Мое сердце

Разве есть в мире вещи прочнее
Моего нежно-красного сердца?
Разрывали аорты и вены,
А оно все стучит по инерции.

Поражалось полнейшей жестокостью,
Но душа по святому смирению,
Все латала раны над пропастью
И просила «будь к ним добрее».

Знало б сердце мое, как же выглядит
Безопасность сама во плоти.
Попадало бы реже в объятия,
Где ее никогда не найти.

О нас

А он в один прекрасный вечер вдруг сказал мне: «Будь собой».

Сказал он, не снимая своей маски.

Я оголилась для него и телом и душой,
Но оказалось все, конечно же, напрасно.

Во мраке ночи разбуди, я выберу его.
А он способен в свете солнца бросить.

Как жаль, что он не понял ничего.
Светила солнцем Я. Его свет смертоносен.

Я была мягкой музыкой, я – ноты нежности.
Закрылась дверь, я шепотом: «Останься».

Но в сердца слухе были грубые погрешности.
Прошу богов, отныне никогда мне не достанься!

Будущему

Скажи теперь ему! Как было солнечно со мною.
Попробуй докажи, каким сквозила я теплом.
Я тысячами солнц свой лед не перекрою.
Из-за тебя ему досталась я тугим комком.

Сегодня я сниму пред ним свои доспехи.
Уставшая от поражений и побед.
Пусть пронесется в громогласном эхе:
Мужская сила женщине – во вред!

Последняя ночь

Моя душа полна от страсти и надежды.
К его груди я прижимаюсь головой.
Смотрю на перекаты мышц, лишённые одежды.
И заклинаю позабыть, что он уже с другой.

Я выжму из него до капли, отпуская.
И буду я такой, чтоб не забыл.
Я буду жить, и рук не опускаю
Хлебну ещё глоток его любви.